

Смоленский Михаил Борисович

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА:
ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность 22.00.06 - социология культуры, духовной жизни
(социологические науки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Ростов-на-Дону
2003

Работа выполнена в Ростовском государственном педагогическом университете на кафедре социологии и политологии.

Научный консультант: доктор социологических наук, профессор
Борцов Юрий Сергеевич

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук, профессор **Солодников Владимир Владимирович**

доктор социологических наук, профессор **Марченко Татьяна Александровна**

доктор социологических наук, профессор **Харитонов Евгений Михайлович**

Ведущая организация: **Ставропольский государственный университет**

Защита состоится 2 июля 2003 г. в 12-00 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.206.03 по социологическим наукам в Ростовском государственном педагогическом университете (г. Ростов-на-Дону, ул., Большая Садовая, ауд.202).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ростовского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «2» июня 2003 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

 Хоронько Л.Я.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Состояние пореформенного российского общества не случайно у многих вызывает тревогу и озабоченность. Прогрессирующее снижение уровня жизни широких масс населения, рост социальной напряженности, обусловленный резкой поляризацией общества, достигшая критических объемов коррупция, рост преступности, в том числе и в тех ее видах, которые прежде не были распространены в России, - все это свидетельствует о глубоком всестороннем кризисе. Негативные изменения, затронув все стороны социальной жизни, коснулись и сферы правосознания и правовой культуры россиян. С одной стороны, можно констатировать общее понижение уровня правосознания и правовой культуры даже по отношению к дореформенному периоду, что выражается в растущей криминализации и **те невизации** общества, все большем отчуждении населения от правоохранительных органов, нарастании нигилистического отношения к праву. Но если взглянуть с другой стороны, смысловым центром проводимых реформ является ориентация на формирование в конечном счете в России гражданского общества, неотъемлемым **атрибутом** которого является правовое государство во всей полноте этого понятия. А это предполагает специфический тип и высокий уровень массового правосознания и правовой культуры, никогда не имевший места в **границах** России, поскольку здесь **всегда**, во все исторические периоды, власть доминировала над правом. Именно взяв за точку отсчета указанные характеристики гражданского общества, мы лучше сможем оценить масштабы отечественного кризиса в правовой сфере.

Для России традиционным является приоритет государственного начала по отношению к личному, стремление к созданию сильного государства, укреплению вертикали власти. Естественно, что все это необходимо для восстановления и поддержания социального порядка и **правопорядка**, повышения уважения к закону и органам, призванным его защищать. В настоящее время можно говорить о формировании сильной и инициативной исполнительной власти, и это, несомненно, является во всех отношениях позитивным фактом. Однако при этом следует помнить и то, что гражданское общество полагает своей высшей ценностью права личности, ее свободу в рамках **закона**, и исходит из приоритета этой ценности по отношению к государству. Именно поэтому правовая культура, адекватная гражданскому обществу, ориентирована на личность, ее свободное и добровольное подчинение закону, сознательное правомерное поведение, а не на силовое поддержание правопорядка.

Отсюда вытекает необходимость обращения к исследованию личностных аспектов формирования правовой культуры, и - более широко - к изучению феномена правовой культуры в целом, ее места, роли и функций в социокультурном пространстве, затрагивающих ее процессов социальных изменений. Речь идет не о **правоведческом**, а именно о социологическом, и говоря более

конкретно, социокультурном исследовании правовой культуры в широком историческом и социальном контекстах применительно к российскому обществу, специфике пройденного им исторического пути, современной пореформенной ситуации.

Актуальность такого исследования, на наш взгляд, обусловлена прежде всего кризисным состоянием правовой культуры и правосознания в современной России. Происходящие трансформации в этой сфере, безусловно, имеют социальные корни и причины и рассматриваться должны в единстве с ними, то есть как социальный процесс. Задача объективного научного исследования природы этих трансформаций и возможных путей их преодоления является в настоящее время неотложной и требует решения. В то же время, анализируя имеющиеся научные публикации по этой проблеме, можно констатировать отсутствие единства в понимании специфики российской правовой культуры, недостаточную теоретическую разработанность самого этого понятия, наконец, методологическую слабость в подходе к предмету изучения.

Тем самым выявляется второй ряд факторов, определяющих актуальность социологического изучения правовой культуры. Это факторы теоретико-методологического порядка. Действительно, для того чтобы понимание феномена правовой культуры получило научное обоснование, необходимо рассматривать его как элемент системы культуры в целом, пользуясь методологическими средствами социологии культуры и общей теоретической социологии.

Однако использование теоретико-методологического арсенала современной социологии применительно к изучению правовой культуры пока остается явно недостаточным. В силу действия простой инерции и наличия некоторой междисциплинарной отчужденности правовая культура как предмет анализа остается на периферии социального **знания**, не получая адекватного исследовательского внимания. В посвященных ей публикациях проявляются методологические рудименты марксистского **формационного** подхода, объявляющего культуру в целом и правовую культуру в частности, элементом социальной надстройки. В то же время появился ряд работ, основанных на **цивилизационном** подходе к проблеме, в которых обосновывается возможность сосуществования различных, но исторически равноценных типов правовой культуры в разных социокультурных контекстах. Собственно же социологические специальные исследования феномена правовой культуры на сегодняшний день отсутствуют.

Таким образом, актуальность предпринимаемого нами исследования определяется, с одной стороны, назревшей практической потребностью в научном осмыслении природы происходящих процессов криминализации общества, а с другой - недостаточной теоретико-методологической разработанностью понятия правовой культуры и необходимостью выхода на адекватный запросам времени уровень.

Степень научной разработанности темы. Исследование правовой культуры традиционно входит в предметную область наук о праве, прежде всего пра-

воведения и философии права. Именно в рамках отечественного правоведения обнаруживаются значительные разработки по данной теме и смежным **правоведческим** категориям, таким как правосознание и правовое поведение. Они представлены такими именами, как С.С. Алексеев, В.Г. Афанасьев, П.П. Баранов, А.А. Габiani, Я.И. **Гилинский**, В.А. Глазырин, Н.А. **Гулина**, И.А. **Двойменный**, М.И. **Еникеев**, В.П. **Казимирчук**, В.И. Каминская, А.И. Кирпичников, В.Н. Кудрявцев, В.А. **Лелеков**, Л.Д. Мостовщиков, А.С. Орлов, Б.Я. Петелин, И.Ф. Покровский, Н.М. Русанов, И.Е. Фарбер, В.А. **Чефранов**, В.А. Щегорцев и другие - применительно к исследованию связи правосознания и правовой культуры; А.П. Альбов, Р.С. Байниязов, В.И. Бегинин, В.М. Мапельман, В.С. Нерсисянц, А.П. **Окусов**, Ю.В. **Чуфаровский** - в аспекте изучения проблем формирования правовой культуры в обществе. В плане влияния на правотворчество правовая культура рассматривалась А.В. **Грошевым**, Г.В. **Дыльниковым**, Д.А. **Керимовым**, В.М. **Розиным**, Н.Я. Соколовым, В.А. **Шабалиным**. В работах Н.В. Варламовой, В.И. **Гоймана**, А.В. Колесникова, В.Д. Ломовского, Н.И. **Матузова**, А.И. **Новикова**, И.Д. **Невважая**, Э.Ю. **Соловьева**, В.А. **Туманова**, С.А. Шейфера исследуются проблемы распространения нигилистического отношения к праву и в целом феномен правового **нигилизма**. Все эти разработки содержат продуктивные подходы и идеи. В то же время потребности и возможности социокультурного исследования правовой культуры диктуют обращение к исследованиям другого ряда в поисках методов и концепций, которые позволили бы рассматривать правовую культуру как подсистему культуры - и шире - как социальное **явление**. Среди них в первую очередь следует назвать работы классиков современной теоретической социологии **П.Бурдьё** и **Э.Гидденса**, содержащие ценные идеи о структурировании социальных полей, характере социальных практик и их структурирующем воздействии на личность актора. Хотя нельзя сказать, что эти исследования прямо посвящены феномену правовой культуры, разработанная их авторами методология вполне, как нам представляется, может быть распространена на изучение правовой культуры.

Институциональные аспекты функционирования в обществе нормативных образований исследовались Д.Нортом, П.Бергером, Т.**Лукманом**, Дж. Бернармом и Л. Томпсоном. Некоторые результаты этих исследований послужили методологическими ориентирами в нашей работе. Правовая культура в системе социальных институтов анализируется Э.**Бланкенбургом**, А.А. **Ликасом**, В.П. Сальниковым. Проблема распространения неправовых социальных практик в связи с институциональными трансформациями современного российского общества, несоответствиями в системе институтов и **деформализацией** формальных норм глубоко и всесторонне исследована Ю.А.**Агафоновым**, Т.И. Заславской, А.Н. **Олейником**, В. Радаевым. Возникновение правового вакуума в этом контексте рассматривалось в работах А.Малиновского.

Более конкретные проблемы, связанные с соотношением отдельных социальных регуляторов в системе культуры, продуктивно анализировались в

рамках социологии права такими авторами, как Ж.Карбонье, В.А.Лапаева, А. Подгурецкий, Н. Рулан.

В свою очередь проблемы объяснения этнокультурной специфики российского **правопонимания** и правовой культуры в общем социокультурном контексте и в отдельности много и глубоко изучались отечественными классиками социально-философской и **философско-правовой** мысли: Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным, Б.А. Кистяковским, Н.М. Коркуновым, С.А. Муромцевым, П.И. Новгородцевым, Л.И. Петражицким, В.С. Соловьевым, П.А. Сорокиным, С.Л. Франком, Б.Н. Чичериным, М.Ф. Владимирским-Будановым, известным историком А.В. Оболенским, а также современными социологами, правоведами и теоретиками культуры: А.С. Ахизером, А.Вишневским, А.Андреевым, А.П. Семитко и др. В работах известного российского лингвиста Н.Д. Арутюновой дается блестящий анализ отражения в семантике русского языка и в русской литературе этнокультурных особенностей понимания духовных реалий, связанных с правом, справедливостью и судом. В.В. Иванов и В.Н. Топоров анализируют особенности древнеславянского права в аспекте формирования этнопсихологической специфики правовой **ментальности**. Социокультурные, в том числе религиозные детерминанты развития последней исследуются также С.С. Аверинцевым, А.И. Ковлером. Общие вопросы формирования правовой **ментальности** и **ментальности** в целом подробно рассматриваются в работах А.П. Буртенко, А.Я. Гуревича, Г.Н. Дрепа, А.Н. Дмитриева, Э.Я. Дмитриевой, И.Г. Дубова, Ю.В. Колесниченко, Л.Н. Пушкарева, Э.А. Тадевосяна.

Проблемы формирования правовой установки в связи с развитием правовой культуры исследовали Н.Л. Гранат, В.И. Каминская, А.Р. Ратинов, Т.В. Синюкова. Здесь необходимо **отметить**, что само введение этого понятия в научный оборот было бы невозможным без разработки психологами грузинской школы - Д.Н. Узнадзе, Ш.А. Надирашвили, А.С. Прангишвили, Ш.Н. Чхартисвили - общей психологической теории установки. Воплощение правовой культуры и соответствующих ей установок в правовой активности личности в сфере социальных взаимодействий рассматривалось Е.А. Лукашевой, Н.В. Щербаковой, в целом отношения права и личности - Г.В.Мальцевым, В.С. Нерсисянцем и др. Аксиологические аспекты правовой культуры исследованы Л.Валки, Ж.-Л.Бержелем.

В изучении правовой культуры в социокультурном контексте большим подспорьем являются разработки в области теории культуры Ю.А.Лотмана, Б.А. Успенского (типология культур и проблема культурной рецепции), Э.С. Маркаряна. **Культурно-интерпретативные** характеристики правовой культуры в аспекте специфики рациональности рассматриваются в работах К.И. Скловского. Природа правового нигилизма как феномена культуры анализируется А.П. Семитко, И.Д. Невважаем, А.И. Новиковым. Развитие анонии как проявление **социо- и правокультурного** кризиса исследовано А.Г. Здравомысловым, Н.И. Лапиным, В.Ф. Петренко, А.В. Филипповым, А.Г.Эфендиевым.

Проблемы формирования правовой культуры как составляющей процесса развития начал гражданского общества и социального самоуправления затрагиваются в работах таких авторов как **А.Н. Аришин, Г.В. Барабашев, Ю.А. Веденеев, З.Т. Голенкова, Д. Кола, В.П. Любин, Л.С. Мамут, С.Л. Серебряков, С.Л. Соловьев, М.Ф. Черныш, В.И. Шмаков, Д. Штюдеманн.**

Таким образом, феномен правовой культуры представляется нам достаточно широко исследованным в рамках традиционной проблематики правоведения и в связи с конкретными политико-правовыми реалиями. В то же время он практически мало исследован как социальное явление, в частности, как нормативное, **социорегулятивное** образование, как **конститутив** социально-правового пространства и жизненного пространства личности. Настоящее исследование мыслится нами как попытка восполнения этого пробела с использованием методологических средств современной социологии.

Объектом данного диссертационного исследования выступает совокупность ценностных ориентации, нормативных фигур, обыденных представлений и идейно-теоретических построений, отражающих реальное отношение к праву как универсальному социальному регулятору и его место в системе культуры.

Предмет исследования составляют институциональные, социально-функциональные и социокультурные характеристики правовой культуры в единстве ее индивидуального и **социетального** уровней как **конститутива** пространства социальных взаимодействий и жизненного пространства личности.

Цель исследования - социологический анализ правовой культуры как целостного институционального и ценностно-нормативного образования, ее места и роли в структурировании правовой конфигурации социальных практик.

Из сформулированной цели вытекает необходимость постановки и решения конкретизирующих ее промежуточных исследовательских задач:

- обосновать выбор и применение к изучению феномена правовой культуры методов социологии;
- выявить и проанализировать институциональные характеристики правовой культуры в аспекте конфигурирования социальных практик;
- исследовать функциональные (**социорегулятивные**) характеристики правовой культуры с точки зрения ее нормативных параметров;
- выявить социокультурную специфику отечественной **правокультурной** традиции и проанализировать ее в контексте аксиологической оппозиции морали и права;
- определить концептуальные рамки понятия «правовой менталитет» и его место в исследовании **социоэтнокультурных** оснований отечественной правовой культуры;
- рассмотреть **социоэтнокультурные** параметры традиционного для России понимания государственности применительно к формированию правовой культуры и **правопонимания**;

- проанализировать механизмы конституирующего влияния правовой культуры на процесс структурирования жизненного пространства личности и ее правовой активности как составляющей социальных практик;
- исследовать содержание понятия «правовой личности» как идеально-типической конструкции для раскрытия специфики личностного аспекта социальных практик гражданского общества;
- изучить социокультурные характеристики правового нигилизма как тотальной деформации правовой культуры и вскрыть его корни в современном российском обществе;
- обосновать принципиальную роль сложившегося в современном российском обществе аксиологического вакуума и связанной с ним аномии в развитии **правокультурных** деформаций и девиаций правового поведения;
- очертить перспективы преодоления **правокультурного** кризиса в контексте структурирования **социоправового** пространства гражданского общества и развития социального самоуправления.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют труды крупнейших современных социологов, таких как П. Бурдье, Э. Гидденс, Д. Норт, П. Бергер, Т. Лукман. Поскольку из поставленной цели исследования вытекает необходимость рассмотрения феномена правовой культуры в широком социокультурном контексте, включающем в себя **правокультурную** специфику социальных практик, особенности интерпретаций этих практик, конституирующих **правопонимание**, институциональные и социорегулятивные параметры функционирования правовой культуры в обществе, в качестве базисных методов и парадигм анализа использовались: структурно-функциональный подход - в части выявления функциональных характеристик правовой культуры в структуре социальной регуляции; элементы постструктуралистской парадигмы в совокупности с концептами, введенными П.Бурдье и Э.Гидденсом - при рассмотрении механизмов вовлеченности правовой культуры в синхронное структурирование социального пространства и личности как активного носителя социальных практик; элементы парадигмы **неоинституционализма** - при анализе роли правовой культуры в процессе нормативного конфигурирования социальных институтов.

Обратившись к исследованию **социоэтнокультурных** особенностей традиционного российского **правопонимания** и правовой культуры, мы придерживались в качестве основного методологического ориентира **цивилизационного** подхода, конкретизируя **его** принципы в обосновании **культурно-исторической** специфики России на основе идей А.Ахиезера о социокультурном расколе и **догосударственном** характере российской культуры, наличии в ней **иррационально-эмотивных** доминант, используя также элементы семантического анализа концептов русского культурного тезауруса. Большую роль в разработке этой проблематики и в целом в исследовании сыграли идеи и концепции русских дореволюционных социологов, философов, теоретиков права: Н.М. Коркунова, П.И. Новгородцева, Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьева и др.

При изучении личностных аспектов реализации индивидуальной правовой культуры на уровне правовой активности и поступка как единицы правового поведения использовались подходы и концепты феноменологической социологии, идеи А.Шюца, элементы психологической теории установок, развитой в рамках грузинской психологической школы Д. Унадзе.

В разработке проблем, связанных с деформациями отечественной правовой культуры в ходе развития социокультурного кризиса и в связи с негативными аспектами осуществления социально-экономических реформ, были использованы подходы Э.Дюркгейма и Т.Селлина к феномену социальной аномии и поведенческих девиаций, концепция когнитивного вакуума Г.Дилигенского, некоторые идеи Т.Заславской. В связи с раскрытием перспектив формирования в России правовой культуры, адекватной требованиям гражданского общества, использовались **теоретико-методологические** подходы, развиваемые в области изучения гражданского общества и социального самоуправления В.Нерсисянцем, З.Голенковой, Л. Мамутом и другими авторами.

В ходе исследования были получены определенные результаты, содержащие следующие элементы **научной новизны**:

- обосновано применение к изучению правовой культуры методов теоретической социологии и социологии культуры, в частности, элементов **постструктуралистской, неоинституционалистской** и феноменологической методологии,

- выявлены и проанализированы параметры функционирования правовой культуры в системе социальных институтов в качестве конститутива институционального пространства и индикатора доли в нем неправового сектора;

- исследованы **социорегулятивные** характеристики правовой культуры как **метанормативного** регулятора нормативной ориентации социального и правового поведения,

- вскрыта социокультурная специфика традиционного для России типа **правопонимания** и правовой культуры, основанного на преобладании **эмотивных мотивационных** доминант над рациональными и проявляющегося в аксиологическом **этикоцентризме**;

- осуществлена концептуальная рефлексия над содержанием понятия правового менталитета, выявлена **его** структура и семантические характеристики традиционного для России типа правопонимания;

- исследованы механизмы **конституирования** на основе **социетальных метанормативных** фигур правовой культуры индивидуальных правовых установок и правовой активности личности, реализующихся в процессах самоструктурирования последней и структурирования пространства социальных практик;

- выявлены основные содержательные моменты понятия «правовая личность» и показана возможность его использования в качестве идеально-типической конструкции при исследовании генезиса специфического для пространства правового общества качества социальных практик;

- вскрыты **социо- и правокультурные** корни распространения правового нигилизма в современном российском обществе как проявления деформации структуры социального пространства;

- обоснована определяющая роль социокультурного кризиса и в частности кризиса ценностей, образования ценностного вакуума и **аномийных** деформаций в нормативной системе в развитии нигилистического типа **правопонимания** и множественных девиаций в сфере правового поведения;

- показано, что преодоление социокультурного кризиса и деформации правовой культуры неизбежно сопряжено с формированием социального пространства гражданского общества и институциональных структур самоуправления.

Положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на то, что понятие правовой культуры традиционно принадлежит к сфере **правоведческого** дискурса и представляет собой аналитическую абстракцию, возможно и необходимо исследование реальных **правокультурных** характеристик социальных практик в рамках социологии права и социологии культуры на основе использования методологий и парадигм современной теоретической социологии. Исходным принципом социологического изучения правовой культуры может стать принцип единства и взаимосвязанности ее индивидуально-личностного и социального уровней, из чего следует, что наиболее адекватны здесь методологические подходы, связывающие воедино процессы социального и личностного структурирования и преодолевающие представления о жесткой социальной детерминации поведения личности, в том числе и в сфере права.

2. Правовая культура встроена в институциональную систему общества, определяет контуры нормативных фигур, характер отношения к формальным нормам в ходе развертывания социальных практик, качество и уровень правосудия и законотворчества, эффективность правовой регуляции и пропорциональную долю неправового сектора социального пространства. Она выступает **конститутивом** пространства социальных взаимодействий, участвуя в его структурировании. Деформации правовой культуры общества неизбежно поэтому оказываются сопряженными с деформированием основных конфигураций социальных институтов. Рассматриваемая в функциональном аспекте, правовая культура представляет собой метарегулятор социального поведения, поскольку устанавливает и предписывает определенный тип субординации нормативных регуляторов, в свою очередь регламентирующих характер социальных практик. Кризисное состояние правовой культуры задает рост тенденции **деформализации** действующих в обществе нормативных фигур, деформацию социальных институтов, проявляющуюся в вытеснении на практике формально-правовой регуляции поведения акторов неформальными правилами игры, в создании зон неправовых взаимодействий. Оно также формирует **достижительные** личностные ориентации неправового **характера**, нигилистические установки по отношению к праву, в конечном счете создает особый вид **социаль-**

ной личности, конституирующей своими действиями неправое жизненное пространство.

3. Социокультурная **типологизация** правовой культуры может осуществляться по аксиологическому критерию, в зависимости от субординации в системе социального регулирования по степени ценности различных нормативных регуляторов в их соотносительности с правом. Для российского общества традиционным является **этикоцентрический** тип **правопонимания** и правовой культуры, базирующийся на синкретической нерасчлененности в сознании представлений о морали и праве и в то же время на признании безусловного приоритета морали как нормативного регулятора социального поведения перед формальным правом, и регламентирующий соответствующий порядок субординации норм морали и права в системе регуляции, что влечет за собой изначальную релятивизацию социальной ценности права, которая в своем дальнейшем логическом развитии ведет к правовому нигилизму.

4. Правовой менталитет, являясь этнопсихологическим основанием правовой культуры, имеет сложное строение, в котором различается изменчивый внешний **слой**, допускающий обусловленные воздействием меняющейся социальной среды трансформации, и ядро, представляющее собой совокупность устойчивых **дорефлексивных габитообразующих** структур, способных **сопротивляться** внедряемым в процессе модернизации новым ценностям и моделям поведения. Использование понятия дорефлексивного **когито**, введенного в социологию **П.Бурдьё**, позволяет понимать менталитет как источник формирующихся на **дорефлексивном** уровне сознания когнитивных схем, основанных на различениях, в соответствии с которыми интерпретируется действительность и осуществляются социальные практики. Правовая культура складывается как упорядоченный комплекс таких когнитивных схем, сферой приложения которых является **конституирование** социальных практик, связанных с правовой регламентацией. Специфика когнитивных символизации раскрывается в особенностях семантики языка.

5. На уровне личности актуализация когнитивных схем, составляющих правовую культуру, осуществляется в процессе интерпретации, основанном на индивидуальной потребности ориентации в изменчивой социальной действительности, повышения степени ее предсказуемости. Исходя из динамического понимания личности как результата и формы **структуриации** жизненного пространства можно рассматривать интерпретацию в качестве механизма формирования **правокультурных** смыслов, организующих это пространство в аспекте отношения к праву. Правовая культура функционирует как **интернализующийся** в правовой установке и **экстернализирующийся** в поступке **конститутив** жизненного пространства личности, определяющий правовой или неправовой характер всех процессов и взаимодействий в пределах этого пространства.

6. Полнота реализации на индивидуальном уровне правовой культуры, соответствующей обществу с преимущественно правовым характером социальных практик, предполагает формирование и закрепление специфических

личностных качеств, совокупность которых можно в аналитических целях обозначить понятием «правовая личность». Правовая личность фактически представляет собой идеально-типическую конструкцию, некий абстрактный стандарт поведенческих характеристик, подразумевающий включение в **мотивационный** комплекс представления о ценности права. Атрибутивной типологической чертой правовой личности является то, что она выступает носителем рационального **правопонимания**, акцентирующего различия между моралью и правом, основанного на признании необходимости жесткого отграничения права как формализованной системы регуляции, в конечном счете направленной на защиту нравственных ценностей общества. Правовая личность как социальный тип характеризуется также целостностью и единством правового сознания, **дорефлексивных** установок правового менталитета и их реализации в поведенческих формах правовой активности.

7. Распространение правового нигилизма в современном российском обществе является одним из проявлений общего социокультурного и **правокультурного** кризиса. В то же время нигилистическое отношение к праву как тенденция укоренено в специфике правового менталитета россиян, составляя одну из характеристик отечественной культурной традиции. В условиях переструктурирования социального пространства в ходе реформ, институционального хаоса и **деформализации** формальных норм актуализируется негативный потенциал традиционного правопонимания, что находит выражение в открытом пренебрежении к праву как **регулятиву** социального поведения, в развитии и доминировании в обществе неправовых социальных практик, в формировании «живой» неформальной культуры теневого регулирования общественных отношений. В целом можно говорить о **деформированности** правовой культуры, органически связанной с состоянием институционального и правового вакуума, и о деформации самого социального пространства современной России, приобретшего характеристики неправового.

8. Правовая культура современного российского общества демонстрирует наличие деформаций, связанных, в первую очередь, с утратой основных аксиологических различий, что свидетельствует об углублении общего социокультурного кризиса. **Деформированность** базовых траекторий социального пространства проявляется в преимущественно неправовом характере взаимодействий, криминализации индивидуального и массового сознания и поведения; росте преступности и изменении ее структуры в сторону криминализации всех без исключения возрастных, **гендерных** и профессиональных групп; падении общественного интереса к моральной проблематике, ранее составлявшего традиционную особенность отечественного менталитета; росте аморализма и безнравственности; распространении на все общество ценностей и норм криминальной субкультуры; развитии правового нигилизма на всех социальных уровнях; широком распространении самодеструктивных **девиантных** по определению способов поведения: суицидов, алкоголизма, наркомании. Правовая культура в этом случае несет на себе печать утраты различия между само-

разрушением и самоутверждением, признания социальной приемлемости и даже естественности девиации. Она отражает общий мозаичный характер культуры, включает в себя локальные фрагменты деформированного правосознания, неправовых ориентации и мотиваций. Важной ее характеристикой является обесценивание правомерного поведения как универсальной модели, нарастание социальной **резигнации** по отношению к распространенному противоправному поведению. В целом сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как состояние аксиологического вакуума и культурной аномии.

9. Преодоление **правокультурного** кризиса в современной России и вытеснение неправовых практик на периферию социального пространства может быть только эволюционным по длительности и характеру процессом, совпадающим по своей направленности с процессом модернизации, поскольку предусматривает постепенное утверждение **правокультурных** стандартов гражданского общества, трансформацию **этносоциокультурных** структур правового менталитета, становление эффективной правовой социализации, в ходе которой структурирование личности работало бы на формирование у нее рационального **правопонимания**, адекватной правовой активности и осознанного стремления к правовой самореализации. Выход из кризиса невозможен при сохранении сложившегося в настоящее время деформированного характера институциональных структур, в которые встроены неправовые социальные практики, регулируемые неформальными правилами игры, а не нормами права. Системные неправовые действия властных элит и правовая пассивность масс рядовых акторов, образующие в целом жесткую вертикаль одностороннего давления, могут быть сведены к эксклюзивной пропорции в ходе развития институтов социального самоуправления и роста гражданской зрелости населения.

Научно-практическая значимость исследования определяется тем, что полученные в ходе его результаты способствуют углублению имеющихся теоретических представлений о сущности и социальных функциях правовой культуры, ее конституирующем воздействии на социальное пространство и характер социальных практик, структуру правосознания и поведения личности, социокультурной специфике традиционного российского правопонимания, состоянии и перспективах правовой культуры современного российского общества.

Материалы диссертации и полученные в ходе исследования выводы могут быть использованы в преподавании общих и специальных курсов по социологии культуры, социологии и философии права, культурологии, правоведению.

Апробация работы осуществлена посредством изложения ее основных положений в трех монографиях, учебных пособиях, в брошюрах, научных статьях и других публикациях автора.

Кроме того, основные результаты, полученные в ходе исследования, обсуждались на теоретических семинарах, круглых столах, научных конференциях и применены в практической деятельности правоохранительных органов.

Структура диссертации обусловлена ее исследовательскими задачами и состоит из введения, пяти глав, содержащих двенадцать параграфов, заключения, списка использованной литературы. Общий объем работы 289 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обосновываются выбор и актуальность темы диссертации, раскрывается степень ее разработанности, определяются объект и предмет, цели и задачи исследования, вычленяются содержащиеся в нем элементы научной новизны и формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации «**Правовая культура как предмет социологического анализа**» посвящена рассмотрению основных параметров социального функционирования правовой культуры. Само понятие правовой культуры, если подходить к нему с точки зрения его дисциплинарной принадлежности, относится в первую очередь к научному тезаурусу правоведения, теории и философии права. Обычно в рамках **правоведческого** дискурса его соотносят с такими понятиями, как правосознание, правовое поведение, **правопонимание**, и стремятся провести между ними продуктивные смысловые **дистинкции**. Однако в то же время, подчеркивает автор, правовая культура представляет собой составляющую системы культуры в целом и тем самым подпадает под действие общекультурных закономерностей и под изучение социологией культуры. Социокультурное исследование правовой культуры предполагает, естественно, ее рассмотрение в качестве социального феномена, что в свою очередь диктует определенные парадигматические параметры и методологические принципы, определенные, свойственные именно социологии, ракурсы и подходы, отличные от **правоведческих** и **философско-правовых**. Социолога, изучающего правовую культуру, интересуют прежде всего ее институциональные характеристики, место в **социетальной** системе, связи с институтом права и другими институтами **общества**, а также ее функционирование в едином комплексе социальных регуляторов. Правовую культуру конкретного общества можно анализировать также как совокупность когнитивных структур в парадигме постструктурализма и как составную часть жизненного мира человека - в парадигме феноменологической социологии. Социокультурное исследование правовой культуры, наконец, должно затрагивать такие важные собственно социологические предметные области, как проблемы социальной детерминации культурно-правовых явлений, этнопсихологические и **архетипические** основания правового менталитета и правовой культуры. Важное значение в настоящее время приобретает изучение кризиса правовой культуры современного российского общества в контексте общего социокультурного кризиса.

Рассмотрение перечисленных проблем требует прежде всего выбора оптимальной методологии. Поэтому параграф первый «**Методологические основания социологического изучения правовой культуры**» построен как **критико-аналитический** очерк имеющихся методологических подходов к предмету. Автор стремится показать, что хотя понятие правовой культуры широко разработано в рамках отечественного правоведения, **методологиче-**

ская база большинства таких исследований является ограниченной и по сути дела устаревшей. В силу того, что отечественное правоведение сформировалось на основе применения марксистской - детерминистской - методологии, а сейчас вообще осталось вне методологических поисков и фактически живет в методологическом пространстве прошлого, оно в целом осталось применительно к пониманию правовой культуры на позициях детерминизма. Поэтому социологическое исследование правовой культуры на почве современных недетерминистских методологических установок является более продуктивным, позволяя на качественно новом уровне рассматривать проблемы выхода из **правовокультурного** кризиса. В то же время, констатирует автор, марксистская методология отечественных исследований по проблемам правовой культуры, характерная для советского периода, дополнилась на рубеже веков привлечением различных концептуально-объяснительных схем современных западных научных школ и направлений. Такого рода методологический плюрализм нередко рассматривается как показатель перехода на принципиально новую ступень в осмыслении феноменов права.

Однако на практике в современных работах, посвященных проблемам правовой **культуры**, часто просматривается - хотя и в модернизированной форме и сопровождаемый критическими комментариями -- все тот же марксистский подход советских исследователей. Не подвергая сомнению роль, которую сыграл данный подход в артикуляции научного интереса к культурной составляющей правового **процесса**, следует отметить, что он страдает одномерностью и не отражает динамики когнитивных и **институциональных** изменений, характерных для сегодняшнего права и общества в целом. В то же время в рамках современной теоретической социологии разработан ряд методологических принципов и парадигматических установок, которые, по мнению автора, можно продуктивно использовать в исследовании феномена правовой культуры. Прежде всего речь идет о методологических векторах, обозначенных в работах сторонников постструктурализма и **неоинституционализма**. При этом автор предлагает, конечно, не буквальное следование той или иной постструктуралистской или **институционалистской** концепции, а использование их творческого потенциала по принципу методологической **комплементарности**. В этом отношении автору представляются продуктивными некоторые идеи П.Бурдьё и Э.Гидденса¹, а также Д.Норта, Дж. Бернара и Л.Томпсона. Хотя они и предлагают различающиеся в содержательном плане трактовки динамики социального конструирования и структурирования, можно отметить несколько принципиальных для исследования правовых феноменов идей, представленных в их трудах.

¹ *Guldens A* New Rules of Sociological Method. London, 1976; *Giddens A*. Structuralism, Post-Structuralism and the Production of Culture // *Giddens A., Turner H. (eds.) Social Theory Today*. Stanford, 1987.

Согласно подходу, развиваемому П. Бурдьё, предметом социальных наук выступают социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени, а не гипотетический социум как целое или поведенческие акты. Социальную и поведенческую практику нельзя понимать как механическую реакцию на заранее заданные детерминирующие условия, как это делает позитивистский материализм. Практика у Бурдьё выступает как продукт сложных двусторонних отношений между ситуацией и габитусом, понимаемым как система длительных диспозиций. Таким образом, под практикой понимаются любые изменения, производимые социальными агентами и порождающие многообразные "различия", которые фиксируются как в материально-вещественной, так и в **идеальной** форме.

Тем самым, подчеркивает автор, практики как "события социального мира" и их "**упорядоченность**" (социальный и правовой порядок) в этой парадигме рассматриваются как производные от изменений, обусловленных взаимодействием объективных и субъективных структур. Возможность культурных и, в частности, культурно-правовых практик коренится в содержании *дорефлексивного cogito* агента. Это понятие, восходящее к работам Ж.-П. Сартра, обозначает неосознаваемый субъектом уровень познавательной активности. На этом уровне, согласно П. Бурдьё, складываются устойчивые неосознаваемые или не полностью осознаваемые стереотипы социального поведения, **известные** как габитусы, формирующие структуру социальной личности агента, и структуру социального пространства, специфику его нормативных **фигур**, конфигурацию повторяющихся социальных практик.

В этом контексте социокультурные феномены, в том числе и правовая **культура**, составляют символический способ интеграции правового пространства и общества в целом. Базовые когнитивно-ментальные структуры (взаимосвязанная целостность символических схем правового поведения) образуют, по мнению автора, ядро правового менталитета, который, в свою очередь, является этнопсихологической основой правовой культуры. Правовое пространство общества, включающее в себя правовую культуру, можно представить как систему различений, которые воспроизводятся в виде объективных и субъективных структур. Правовой порядок - в значительной степени также и порядок ментальный, не сводимый к своим вещественным составляющим и существующий по большей части в виде социальных представлений, заключенных в каждом социальном агенте. Поэтому правовые отношения, как и все иные, всегда **символичны**, а **правопонимание**, лежащее в основании правовой культуры, имеет когнитивную природу. Исследование форм осмысления и конструирования правовой реальности предполагает изучение когнитивных схем и **интерпретаций**, воплощаемых акторами в социальных практиках правового или, наоборот, неправового характера. Таким образом, по мнению **автора**, в методологии постструктурализма реализуется понимание глубинного единства процессов, протекающих внутри структур личности и в структурах социальных полей.

Автор полагает, что намеченные контуры осмысления правовой культуры позволяют в известной мере объединить социологические и правоведческие исследования. При решении подобных задач наиболее перспективной видится методология, направленная на мыслительную реконструкцию структур смысла правовых практик посредством изучения исторической среды и семантического поля правовых понятий. Такая методология способна не только органично дополнить исследовательскую стратегию изучения когнитивно-ментальных оснований правовой культуры, но и открыть для нее новые научные горизонты.

В параграфе втором «**Правовая культура в системе социальных институтов**» анализируются институциональные характеристики правовой культуры. Опираясь на понимание социальных институтов как устойчивых нормативных фигур, развиваемое Д. Нормом, Дж. Бернардом, Л. Томпсоном, автор стремится выявить место правовой культуры в системе социальных институтов общества. Общеизвестным и установленным фактом является **встроенность** в институциональную структуру самого права, представляющего собой значимый социальный институт. Что же касается правовой культуры, то она, не включая в себя формализованных требований и предписаний, не располагая особым механизмом социального контроля за соблюдением принципов отношения к праву, исходя из стандартного определения, сама по себе, безусловно, не может рассматриваться как отдельный социальный институт. Однако если исходить из понимания социального института как нормативной фигуры, то правовую культуру можно, по мнению автора, подвести под это определение. В институциональном контексте роль правовой культуры сводится к соотносению и нормативному связыванию правовой организации общества и поведения акторов, их отношения к праву в ходе реализации социальных практик. Правовая культура как социально-исторически обусловленные, закрепившиеся отчасти **отрефлексированные**, отчасти **дореклексивные**, «**габитусные**» представления и предпочтения по поводу действующего права отражает строго определенное, конкретное понимание права, правомерности и социального порядка. В ее структуру входят в качестве элементов **идеи**, представления и эмоциональные переживания, в своей совокупности характеризующие отношение **носителей** данной культуры к действующему праву, к юридическим обязанностям и правомочиям вообще, к социальному идеалу правомерного поведения, к нормативному социальному порядку как таковому. Таким образом, правовая культура выступает в качестве необходимой **габитусной** предпосылки функционирования в обществе института права и реализации правовых норм. Автор подчеркивает также, что правовая культура включает в себя определенное нормативное отношение к законодательно закрепленным процедурам принятия решений и правилам поведения, присущее группе акторов, разделяющих между собой в рамках единого социокультурного символизма одно и то же понимание смысла "правовой игры".

С развитием правового начала в обществе удельный вес правовой культуры как нормативной фигуры в общей конфигурации институтов возрастает. Когда же речь идет о развитом гражданском обществе, коррелирующем с правовым типом государства, то, по мнению **автора**, правовая культура обретает здесь наиболее значимое место в системе социальных институтов. О принадлежности правовой культуры к институциональной конфигурации правового общества можно судить также, исходя из развитого П.Бергером и Т.Лукманом понимания процесса **институционализации** как социальной типизации. Правовая культура может рассматриваться как совокупность идей и представлений, определяющих обращение к правовым способам разрешения проблем как социально-типическую ситуацию. Для правового общества правомерное поведение индивидов, основанное на уважении права как основного социального регулятора, является типологической характеристикой, а проявления низкой правовой культуры – атипичными случаями социальной практики.

Правовая **культура**, как и само право, подчеркивает автор, имеет динамическую природу, характеризуется не только относительной стабильностью, обусловленной единством правового менталитета, но и изменчивостью, сопряженной со способностью порождать резонирующие институциональные изменения. Законотворческий процесс можно рассматривать как конструирование правового пространства, как частный вид социального конструирования, который реализуется в формировании новых нормативных стандартов социального поведения и взаимодействия, закрепляющихся в виде устойчивых институциональных конфигураций. Правовая культура индивидов и общества изменяется в соответствии с параметрами этих конфигураций, конституируя определенный тип социальных практик, преимущественно правовых или же неправовых по своему характеру, задавая соответствующие черты пространства социального взаимодействия в целом и соответствующую структуру личности, ее мотиваций и поведения.

В частности, рассматривая состояние современного российского общества, автор указывает на несомненную связь, существующую между наблюдаемым кризисом правовой культуры и множественными институциональными деформациями. Преобразования, осуществленные в современном российском обществе в ходе реформ, внесли существенные изменения в его институциональную структуру. Как отмечает Т.И. Заславская, несмотря на незавершенность осуществляемых институциональных преобразований, нестабильность официальных правил игры и их нелегитимность для большей части акторов, институциональное пространство современного российского общества существенно отличается от дореформенного благодаря тем шагам, которые были сделаны по формированию новых экономических и политических **институтов**¹. В то же время приходится признать, что достигнутый уровень приближенности

¹ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации **неправовых** практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5.

к институциональному пространству образца современных развитых обществ реально намного ниже, чем позволяют предполагать формальные признаки социальных институтов. Институциональное пространство современного российского общества, как показывает, в частности, Ю.Агафонов, далеко не однородно. В нем мозаично представлены элементы старого и нового, наблюдается несоответствие старых и новых институциональных форм. Базовые системообразующие институты российского общества в ходе реформ подверглись преобразованиям в неодинаковой степени и не синхронно, и сегодня, по мнению той же Т.И. Заславской, в самом удручающем положении находится именно **право**². Результатом явился набравший в настоящее время силу процесс **деформализации** норм социального взаимодействия, развитие теневых, неформальных правил **игры**, вытеснивших в качестве живых социальных регуляторов формальное право. Таким образом, сформировалась «живая» неформальная правовая **культура**, характеризующаяся отчетливой неправовой направленностью, растущим нигилистическим пренебрежением к формальному праву, неверием в его реальную регулятивную силу. Институциональные трансформации, происходящие в современном российском обществе, их неравномерность, структурная незавершенность и сохраняющиеся значительные элементы старых институциональных структур воздействуют на правовую культуру общества, генерируя неправовые социальные практики на массовом уровне.

Исследование правовой культуры в институциональном контексте позволяет более рельефно увидеть механизмы ее функционирования в обществе как **конститутива** фонового пространства социальных практик. Однако институциональное рассмотрение, по мнению автора, должно быть дополнено исследованием функциональной специфики правовой культуры в системе социальной регуляции. Этому посвящен параграф третий **«Социорегулятивные параметры функционирования правовой культуры»**. Начиная параграф с анализа символической природы социальной нормы, автор **показывает**, что корни **гипостазирования** нормы кроются в ее символических и **коммуникатив-**

¹ Агафонов ЮЛ, Социальный порядок в России: институциональный и нормативно-правовой аспекты. Краснодар, 2000. С. 52.

² См.: Заславская Т.И., Шабанова МЛ. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // **Социол. исслед.** 2002. № 6; Заславская Т.И. О **субъектно-деятельностном** аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы **макро-,** мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 2001. С.3-15; **Пашин СЛ.** Человек в российском правовом пространстве // Там же. С.157-166; **Шабанова МЛ.** Институциональные изменения и неправовые практики // Там же. С.319-327; **Шабанова МЛ.** Социология свободы: трансформирующееся общество / Под ред. Т.И. Заславской. М., 2000. С.254-257; **Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.** Теневое общество. М., 2000; Трансформация экономических институтов в постсоветской России / Под ред. Р.М. Нуреева. М., 2000; **Радаев В.** Деформализация правил игры и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 6. С.60-79 и др.

ных функциях, в способности передавать императивные сообщения, которые непосредственно не связаны с **индивидом**, с его наличным бытием. Это свойство присуще не только нормам, но и другим знаковым системам, однако обобщенно-абстрактный характер нормы делает ее значительно более отдаленной от ситуации **лицом-к-лицу**. Нормативные системы становятся объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных ситуаций, жизненного **опыта**, которые можно сохранять во времени и передавать последующим поколениям.

Наибольшее внимание в параграфе автор считает нужным уделить соотношению различных форм нормативной регуляции общества. Исследуя эту проблему, он подробно останавливается на рассмотрении таких социальных регуляторов, как миф, религия, ритуал, мораль и право. Показав специфику функционирования в качестве регуляторов социальной жизни обычая и традиции, в частности, религиозной, автор подчеркивает глубокое различие, существующее между правовой культурой, основанной на традиции, и правовой культурой, основанной на формальном праве. Особый интерес автора вызывает соотношение морали и права в процессе социальной регуляции. На этот счет, как показывается в диссертации, существуют различные точки зрения. Согласно одной из них, которой придерживается и сам автор, мораль и право выступают как две **смежные** сферы нормативной регуляции, которые могут и должны быть разграничены. Между ними существует пограничная зона, в которую включены деяния, подпадающие одновременно под санкции и морали, и права. С другой стороны, ряд исследователей, например, **А.Подгурецкий**, рассматривают мораль как более широкую и всеобъемлющую сферу социальной регуляции, в которую вписано право как ее подобласть. **Дискуссионность** вопроса о соотношении регулятивных функций права и морали свидетельствует о возможности существования типологически разных правовых культур, основанных на различных приоритетах социальной регуляции. В частности, как автор показывает во второй главе исследования, традиционный для российского общества тип **правопонимания** и правовой культуры базируется на морально-правовом синкретизме, делающем возможным **этикоцентрическое** соотношение морали и права, примерно соответствующее концепции **А.Подгурецкого**. По мнению автора, правовую культуру в нормативно-регулятивном аспекте можно рассматривать как вторичную нормативную систему, регламентирующую отношение к позитивному праву и его нормам, а также устанавливающую субординацию первичных нормативных требований: правовых, моральных, религиозных и т.д. Эта вторичная нормативная система формирует ожидания и поведенческие стереотипы применительно к ситуациям личностного выбора между несколькими типами норм. В этом смысле нормы правовой культуры являются своего рода **«метанормами»**, служащими ориентирами в мире нормативных представлений и ценностей, основанием тех или иных нормативных предпочтений. Правовая культура формирует социально легитимные модели, нормы, ценности, стереотипы поведения по отношению к позитивному праву, регулирующие правовое поведение социальных субъектов.

Взаимосвязь между правовой культурой и правовым поведением обусловлена их функциональной направленностью на поддержание фундаментальных для общества сетей отношений, взаимодействия, взаимопонимания, обеспечения социального порядка и безопасности. Правовую культуру в ее нормативном аспекте можно интерпретировать как своего рода матрицу правовой жизни общества, задающую устойчивые формы сознанию и поведению отдельных граждан, групп, институтов и общества в целом. Регулятивная функция правовой культуры проявляется в косвенной, опосредованной детерминации правового поведения в ситуациях обыденной жизни.

Исследование правовой культуры в институциональном, символическо-когнитивном, социально-практическом и функциональном, то есть нормативно-регулятивном аспектах, с одной стороны, как бы исчерпывают теоретико-социологические подходы к изучаемому феномену. Однако социокультурная проблематика, связанная с правовой культурой, несколько шире: она включает в себя изучение социокультурных и этнопсихологических оснований становления правовой культуры, национальных архетипов, лежащих в основе символических культурных кодов и когнитивных схем.

Эта задача ставится автором в главе второй «Правовая культура в российском социокультурном контексте». Исследование правовой культуры было бы неполным, если бы в нем не были затронуты проблемы архетипической, этнопсихологической и социокультурной обусловленности конкретного типа правопонимания. Этот аспект, подчеркивает автор, представляет наибольший интерес для социологии культуры, поскольку именно перечисленные составляющие и определяют специфику национальной правовой культуры. Глубинные причины «инаковости» отношения к праву, восприятия его как ценности и, следовательно, правового поведения россиян всегда волновали и сейчас продолжают волновать отечественных философов, социологов, правоведов. Марксистский подход к исследованию культуры, принятый советским обществоведением, постулировал принцип единства мирового социокультурного процесса и вытекающее из него единообразие форм правопонимания, исключаящее какую-либо национальную специфику. Различия детерминировались исключительно социально-классовыми факторами и уровнем экономического развития.

В рамках такого формационного подхода, констатирует автор, было невозможно проводить тонкие социокультурные дистинкции. С переходом к свободному неидеологизированному исследованию права и культуры были сняты эти ограничения и стало возможным обращение к тем пластам социальной реальности, которым ранее просто отказывалось в существовании. Некоторые издержки, возникшие в результате чрезмерного увлечения цивилизационным подходом, проявились в прямом противопоставлении «западной» и «русской» правовой культуры. Однако это не означает, что заниматься этнопсихосоциальной проблематикой применительно к праву и правовой культуре не следует. Следует всего лишь избегать огрубленных схематизации и упрощений.

В параграфе первом **«Аксиологическая антиномия российской традиции: мораль или право»** автор рассматривает ценностные основания традиционного для России типа **правопонимания**. Существование аксиологических отличий правопонимания и правовой культуры Запада и России долгое время замалчивалось и нивелировалось. В рамках марксистского **формационного** подхода, как уже указывалось выше, фундаментальным было представление о единстве этапов исторического процесса и единых культурно-правовых, надстроечных, характеристиках этих этапов. Отсюда вытекало, в частности, единообразие правопонимания в различных национальных культурах на сходной стадии исторического развития. Однако после снятия идеологического пресса появилась возможность пользоваться иными подходами, позволяющими увидеть и различить социокультурно укорененные национальные особенности отношения к праву. Применительно к российской правовой культуре, подчеркивает автор, наличие в ней специфических черт отмечалось еще дореволюционными отечественными правоведами и философами. В последние десятилетия к их трудам стали часто обращаться в поисках обоснования особенности отношения к праву россиян.

Одной из специфических черт российской **правокультурной** традиции можно считать обусловленный **догосударственным**, **общинным характером** культуры коллективизм, тесно связанный с уже упоминавшимся нами **этикоцентризмом**. Для русского национального этоса в силу религиозной традиции было свойственно и даже вошло в **архетипические** пласты сознания коллективное, соборное бытие **человека**, не отделявшего свою личность, индивидуальность от сообщества. Автор подчеркивает, что на уровне общественной **ментальности** и правопонимания западное общество предельно дискретно, оно представляет собой такой вид социального контекста деятельности индивида, который позволяет и помогает ему сохранять и отстаивать тождество своей личности, лежащее в основе социальной ответственности и сознания своих прав. Нельзя забывать, что социальный контекст может и поглощать личность в той или иной степени, помещая ее в ценностной иерархии общества ниже какой-либо коллективной сверхценности, с которой личность должна идентифицироваться до самопожертвования, забывая о себе как о цели. Таким образом, речь здесь идет об известном противостоянии индивидуализма и коллективизма в сфере ценностей. Анализируя индивидуалистическую и коллективистскую аксиологические системы в их отношении к праву, французский исследователь **Ж.-Л. Бержель** пишет: "Индивидуализм основан на философской доктрине, утверждающей реальность индивидов как таковых в ущерб родовой и видовой детерминированности; индивидуализм находит свое выражение в теориях, которые усматривают в индивиде общую ценность политического, экономического и морального плана, и вводит идею развития прав и обязанностей индивида. Коллективизм, напротив, связан с доктриной и такой системой управления обществом, которые основываются на идее коллективной собственности на средства производства и обмена и на власти **государства**... В дан-

ном случае речь идет прежде всего о политическом анализе. Однако все это проецируется непосредственно на юридическую **сферу**¹. Действительно, в сфере отношений права описанное аксиологическое противостояние проявляется в существовании правовых систем, ориентированных на приоритет коллективного или индивидуального. Доминантой современного западного общества как социально-правового пространства является индивидуалистическая аксиология. На уровне правового сознания и правовых отношений, подчеркивает автор, это выражается в признании суверенитета личности, ее неотъемлемого права на самоуправление и самоопределение. В гражданском обществе суверенитет личности неотчуждаем. С точки зрения правового содержания он включает в себя всю совокупность личных, социальных, политических и других прав человека. Он подразумевает признание приоритета ценностей индивидуального развития, творческой самореализации, потребностей мировоззренческой ориентации субъекта. Однако, подчеркивает автор, исследователи проблем **ментальности** и менталитета среди характерных черт российского правового менталитета называют и харизматическое отношение к власти и государству, и правовой нигилизм, проявляющийся в слабом знании своих прав и возможностей и отрицании любых нравственно-правовых регуляторов жизнедеятельности. Во многом такая специфика правового менталитета россиян объясняется особенностями исторического развития российского общества. Если западное общество имеет давнюю традицию существования институциональных структур, основанных на действии формального права, что создало и закрепило у масс населения "юридическое мировоззрение" и прочную правовую установку, то исторический путь России был другим: православная религия, в отличие от католицизма, ориентировала на приоритет обычного права, а не на развитие рационального начала в праве. На наличие глубокого различия между **европейско-католическим** и российско-православным отношением к праву указывает, в частности, С.С. **Аверинцев**². По его мнению, католическая духовность органично впитала в себя дух римской правовой культуры вместе с его базисной составляющей - договорной традицией регламентации правоотношений. В отличие от католического **типа** святости, предусматривающего освящение и незыблемое соблюдение договора, отечественная православная традиция сформировала иной идеал, ориентирующий на превышение любой рационально выверенной меры, на принципиальную и страстную безмерность служения личности высшему началу. Православный идеал святости включает в себя отчуждение от власти как от несправедливой при отсутствии протеста против ее несправедливости. Забота о личных правах представляется проявлением мелочности и прагматизма на фоне этого безмерного терпения. Особое, как бы "превышающее само право" **правопонимание**, вытекающее из этого подхода, апеллирует к личному выбору индивида, его моральному и религиозному созна-

¹ **Бержель Ж.-Л.** Общая теория права / Под общ. ред. **В.И. Даниленко**. М., 2000. С. 66.

² **Аверинцев С.С.** Византия и Русь: Два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С.229-230.

нию, непосредственному ощущению справедливости и нравственности. Но это означает, по сути дела, слабость чувства права в собственном смысле, "излишество" права как социального регулятора. Эта изначальная особенность, по мнению автора, сохранилась в национальном правовом менталитете несмотря на непрекращавшиеся на протяжении двух веков попытки власти модернизировать общество, приблизив его правовую систему к западному образцу. Вообще рецепция **правокультурных** принципов является типичным для России способом модернизации социального и правового порядка.

Однако, указывает автор, подобные трансформации, **накладываясь** на особенности отечественного национально-правового уклада, образовывали в конечном счете причудливые и далекие от западных формы правовой жизни. На **социетальном** и личностном уровне это означало формирование национального типа правовой культуры и соответствующей установки по отношению к праву, которая характеризовалась и сейчас еще характеризуется известным синкретизмом права и нравственности, неспособностью к проведению между двумя этими социальными регуляторами продуктивных **дистинкций**, что в кризисных ситуациях легко приводит к противопоставлению нравственности и права и сознательному пренебрежению правом во имя следования нормам нравственности.

Параграф второй «**Правовой менталитет и этнопсихологические особенности российской духовности**» посвящен исследованию роли правового менталитета как **фактора**, определяющего специфику правовой культуры. По мнению автора, менталитет любой культурно-этнической общности имеет свое устойчивое ценностно-нормативное ядро и изменчивый внешний слой, причем между этими структурами нет непреходимой грани. Под ценностно-нормативным ядром менталитета имеется в виду в первую очередь иерархия определенных нравственных, религиозных, правовых ценностей и норм, которые определяют особенности мировоззрения, поведения и жизненных практик индивидов и социальных групп. Кроме того, ядро менталитета образуют первичные структуры - базисные элементы культуры, формирующие модели этнокультурного поведения, специфические для **ментальности** в ее активной, субъективной ипостаси. Другими словами, наряду с ценностями сердцевину национального менталитета составляют этнокультурные архетипы и их актуализация. Этнокультурные архетипы исследователи определяют как «константы национальной духовности, выражающие и закрепляющие основополагающие свойства этноса как культурной **целостности**»¹. В ценностной сфере, полагает автор, присутствуют как вполне сознаваемые аспекты, выявляемые всякий раз при просьбе обосновать свой выбор, оценку или поведение, так и действительные, но плохо или совсем неосознаваемые составляющие, формирующиеся на уровне дорефлексивного когито, о котором говорят **Ж.-П.Сартр** и **П.Бурдьё**, но которые, однако, мотивируют реально осуществляемые выборы

¹ Архетипы культурные/ Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 38.

базовых ценностей и соответствующее поведение. И ценностные структуры, и **дорефлексивные** составляющие правового менталитета, хотя и имеют явно языковую, а значит, и социокультурную репрезентацию, чтобы быть действенными, не могут не **опираться** на природу человека во всей ее полноте, включая и коллективное бессознательное. Поэтому изучение устойчивых структур в сфере ценностей и моделей поведения, как подчеркивает **автор**, совершенно необходимо должно учитывать и этот аспект психического. Внешний слой этнокультурного менталитета образуют ассимилированные из чужих культур ценности и нормативные образцы поведения. Обмен между элементами ядра и внешнего слоя, вызывающий процессы трансформации внутри менталитета, происходит под воздействием факторов социальной среды.

Внешний слой **менталитета** в наибольшей степени доступен для социологического дискурса. Он лежит на поверхности общественного и индивидуального сознания и **его** характеристики поддаются измерению в эмпирическом социологическом исследовании. И если для познания центральной части менталитета целесообразно применять методы исследования, разработанные герменевтикой, социально-исторической антропологией, структурализмом, социолингвистикой, феноменологической социологией, то для изучения процессов внешнего слоя **менталитета**, по мнению автора, наиболее адекватны эмпирические методы социального исследования. При этом задача социолога - рассматривать менталитет (в т.ч. и правовой) как относительно устойчивое целое (систему) в связи с общественными и историческими изменениями, не редуцируя **его** к ним и в то же время не сводя его к исторически неизменной ментальной **константе**¹.

В связи с осуществляемыми в современной России реформами автор подчеркивает, что дорефлексивные - **габитусообразующие** - структуры менталитета, в частности, правового, обладают значительной устойчивостью, способны сопротивляться внедряемым в процессе модернизации новым идеям и ценностям. Существенное ослабление влияния социокультурной основы **менталитета**, а также разрушение его ценностно-смыслового ядра приводит к тому, что любое резкое вмешательство способно вызвать цепную реакцию непредсказуемых последствий. Так, В. Лефевр, проанализировав два возможных варианта реакции традиционного сознания на резко изменяющиеся социальные условия, пришел к выводу: сознание либо воспроизводит непривычные образцы поведения, либо срывается в панику, в неадекватность.

П. Сорокин убедительно, на взгляд автора, трактовал социальный кризис как утрату социокультурной «суперсистемой» единого вектора ментальной жизни. Это означает ценностную дезинтеграцию и «моральную поляризацию» общественного **менталитета**². Можно с уверенностью утверждать, что в контексте такого кризиса многие индивиды ослабляют или даже вовсе утрачивают

¹ Mannheim K. *Historismus/Wissensoziologie. Auswahl aus dem Werk* eingel. und hersg. von K. H. Wolf Berlin; Neuwied, 1964. S. 299-300

² См.: Sorokin P.A. *Crisis of Our Age*. N.Y., 1991.

способность к полноценной самоактуализации и адекватной самоидентификации, что приводит в общественной жизни к социальной аномии и росту противоправного поведения. Однако, как считает П. Сорокин, глубокие ментальные кризисы составляют необходимую часть мирового исторического процесса и нередко оказываются прелюдией новой социокультурной системы.

Менталитет, подчеркивает автор, составляет чрезвычайно существенную характеристику любого общества и любой культуры, поскольку в качестве социокультурного субъекта человек принадлежит не столько объективному миру, сколько символической когнитивной схеме мира, творимой тем или иным менталитетом. Неоднородность современного российского менталитета, в частности, правового, эмпирически очевидна. По мнению автора, в нем можно предположить наличие по крайней мере трех векторов: нигилизм (пронизывающий все общество и проявляющийся в отношении правовых норм, политической власти, традиций, религии); утопизм (коммунистического, политической власти, традиций, религии); утопизм (коммунистического, либерального или иного толка); архаизм (укоренившиеся обычаи, традиции, порой противоречащие российскому законодательству - "кровная месть", "самосуд" и т.п.). Но на практике ментальная **дифференцированность** или, лучше сказать, **дезинтегрированность** российского общества, несомненно, сложнее и многообразнее.

Исследование правового менталитета как феномена, в значительной мере определяющего тип и исторические трансформации правовой культуры, имеет широкие научные перспективы. Особенно, по мнению автора, это касается переломных исторических периодов, в частности, периода, переживаемого сейчас российским обществом. Ибо переход к правовой культуре более высокого уровня невозможен без соответствующих изменений в структуре правового менталитета. Вообще, как показывает, например, В.Л. Дорошенко², правовая система любого общества существует как образ жизни, как менталитет, и именно в рамках менталитета обладает устойчивостью и транслируется. Именно правовой менталитет является ключом к пониманию правовой культуры, правосознания и правового поведения, и именно в нем кроется специфика традиционного российского отношения к праву.

¹ Результаты **социологических** исследований показывают, что в России почти половина взрослого населения занимает отчужденно-настороженную позицию по отношению к праву, закону. В последнее время появились конструкции особой русской "правовой ментальности", принципиально отличной от ее западноевропейского аналога. По мнению В.Н.Синюкова, ценность права в русском правосознании не в обеспечении формальной законности, а в **достижении** его тождественности с глубинным образом собственного жизнепонимания (Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С.217). Таким образом, согласно этой точке зрения традиционный русский правовой нигилизм - вполне **нормальное** для правовой культуры явление, вовсе не свидетельствующее о низком уровне правосознания. Напротив, ситуация массового нормативного нигилизма предполагает весьма высокое морально-правовое сознание общества.

² Дорошенко В.Л. Что такое право? //ЭКО. (Новосибирск). 2002. № 3. С.136.

Исследование правового менталитета, по мнению **автора**, требует, помимо рассмотрения его структуры, семантического анализа основных понятий, имеющих значения смыслового правового ряда. Здесь **автор**, опираясь на труды известных отечественных культурологов и лингвистов, показывает, что такие понятия в русском языке генетически восходят к **смыслообразам**, несущим этическую и религиозную нагрузку. Само слово «право», согласно Н.Д. Арутюновой, в русском языке имеет общий корень со словом «правда». Понятие, вернее, смыслообраз "правда" - одно из ключевых для русского национального менталитета. Этот смыслообраз гуманизировал, «очеловечил», наделил эмоциональным содержанием понятие закона и истины, в чем выразилась **когнитивно-схематическая** специфика русского менталитета и русской социальной психологии. Уже цитировавшийся нами выше С.С. **Аверинцев** пишет: «Русская мысль не привыкла доверять той свободе, которую обеспечивают институты. Поэтому она сама не **институциональна**»¹. В когнитивной схеме российского правового менталитета смысловая триада «истина - закон - право (**правило**)» вытесняется другой триадой: «правда - совесть - справедливость», в которой концентрируются базисные традиционные ценности и которая с очевидностью отражает **этикоцентрическую** модель **правопонимания**.

В параграфе третьем «**Правовая** культура и идея государственности» автор подробно останавливается на исследовании одной из наиболее типичных характеристик российского правового менталитета - устойчивого представления об оправданности подчиненного положения личности по отношению к государству. Государство в массовом сознании и национальной идеологии занимает высшее место в ценностной иерархии. Личности традиционно отводится подчиненное положение, ей приписывается обязанность служить Государству, безоговорочно ставя его интересы выше своих и не задумываясь о возможном ущемлении им прав каждого конкретного человека. Эмоциональный пафос служения государству, царю, вождю достаточно долго на протяжении истории вытеснял из массового сознания идею прав **человека**, в чем, безусловно, сказывалось влияние эмоциональных социокультурных доминант. Укорененное в когнитивном схематизме российского правового менталитета отношение к государству как к всеильному надличностному и **надправовому** началу, по мнению **автора**, определяет важные типологические особенности наличной «живой» правовой культуры. **Этикоцентрический** тип отношения к государству проявляется в первую очередь в характерной интерпретации государства как «сверхгосударства», в мифологизации и романтизации тех или иных **конкретноисторических** форм государственности. Здесь прежде всего речь идет о российской монархии как носителе и защитнике православия. Та же когнитивная схема легла в основание мифа о единственном в мире справедливом и гуманном советском государстве и его гениальных вождях. Тем самым обосновывается морально-этическая сверхценность государства и соответствующий ей

¹ *Аверинцев С.С. Русский ум // Новый мир. 1989. Л» 1. С. 195.*

этот бескорыстного служения ему и в его лице - абсолютному благу, лучшему будущему, некоему надличностному идеалу. Абсолютный и надличностный характер воплощенного в образе государства добра парадоксальным образом благодаря синкретическому типу **ментальности** уживается на уровне социальной практики с глубокой отчужденностью от государства в лице его структур, в частности, правоохранительных. В сознании масс образ государства как бы постоянно раздваивается на идеальное сверхгосударство - носитель добра и реальное государство, в котором нет справедливости и гуманности, царит произвол.

В рамках этого традиционного для России когнитивного парадокса, подчеркивает автор, пренебрежение к праву личности покоится сразу на двух основаниях. С одной стороны, понимание государства как сверхценности оправдывает любые ограничения, накладываемые им на личность, а с другой неразвитость сознания личностью собственных прав и прав окружающих вписывается в общий противоправно-нигилистический контекст. Это состояние усугубляется тем фактом, что российское государство никогда в своей истории не было в полном смысле правовым. Советское тоталитарное государство активно формировало у граждан патерналистскую установку и соответствующую гражданскую и правовую пассивность, что способствовало недопониманию **сущности** и социальной ценности прав личности. В настоящее время, по мнению **автора**, институциональный вакуум, слабость государства как субъекта, формирующего право, несовпадение явных и латентных, теневых функций его органов, в том числе и правоохранительных, коррупция служащих на всех уровнях, недостаточность механизмов социальной защиты поддерживают и усиливают недоверие масс населения к государству, равнодушие и безучастность по отношению к его деятельности. По мнению **автора**, становление адекватной требованиям времени правовой культуры невозможно без концептуализации эффективной в социальном отношении правовой идеологии, основанной на национальной правовой доктрине, которая бы включала в себя лучшее из исторического **правокультурного** наследия в синтезе с определенными позитивными культурными рецепциями.

Анализируя когнитивные схематические структуры отношения к государству и государственности в плане детерминации специфики правовой культуры масс, автор приходит к выводу о существовании множественных сложностей, препятствующих формированию правовой культуры, адекватной задачам построения правового государства. Тем не менее эта задача остается неотъемлемой для политико-правовых условий современной России. Ее решение сопряжено с процессом формирования на личностном уровне определенных характеристик, соответствующих требованиям, выдвигаемым к человеку и его правосознанию правовым государством.

Глава третья «Личность как смысловой центр правовой культуры» посвящена рассмотрению индивидуально-личностного измерения последней. Правовая культура как социальный феномен существует и проявляется одно-

временно в двух измерениях: **социетальном** и индивидуально-личностном. Совершенно очевидным представляется тот факт, что все социокультурные процессы глубоко затрагивают **личность**, ибо предполагают определенные изменения в ее системе ценностей, а, следовательно, вызывают идентификационные сдвиги. Процессы формирования правовой культуры сопряжены, таким образом, с существенной трансформацией отношения каждой личности к праву, с выработкой у каждой личности конкретной группы позитивных правовых установок. В настоящей главе автор, используя развитое в феноменологической социологии понятие «жизненного пространства», исследует личность как узловой пункт трансформации всей структуры социальных взаимодействий в сфере правоотношений.

В параграфе первом «**Правовая культура как конститутив жизненного пространства личности**» анализируется процесс структурирования личности в аспекте формирования правовой культуры. Как подчеркивает автор, в обществе личность всегда стоит лицом к лицу с Другим. Другой одновременно и ограничивает проявления свободы каждой конкретной личности, и создает у нее настойчивую потребность самореализации и социального самоутверждения. Взаимодействие с Другим и другими является в одно и то же время и экзистенциальным, поскольку выявляет и выводит на поверхность внутренние субъективные качества личности, и социальным, поскольку конституирует специфическое пространство существования **сообща**. Это пространство совместного существования представляет собой жизненное пространство личности.

Автор вводит в исследование термин «жизненное пространство» как наиболее общее понятие, относимое ко всей совокупности социальных взаимодействий, превращающих физический мир в мир осмысленного человеческого существования. Согласно концепции **Э. Гидденса** обязательное условие поддержания стабильности процессов социальных взаимодействий заключается в их **структуриации**. Пользуясь понятием «жизненного пространства», автор трактует его как поле взаимодействий, структурирующее личность и претерпевающее **структуриацию** с ее стороны. Правовую культуру личности, по мнению автора, можно рассматривать в этом ракурсе как один из **конститутивов** ее жизненного пространства, поскольку именно правовая культура определяет характер и качество реализуемых личностью социальных практик в контексте бинарной оппозиции «правовое-неправовое». **Структуриация** жизненного пространства осуществляется посредством выработки определенных смысловых композиций, когнитивных схем и установок, в соответствии с которыми строятся социальные практики. Автор полагает, что основным механизмом такой социально-когнитивной мыслительной деятельности является **интерпретация**¹, в особенности применительно к условиям переходного состояния общества, характеризующегося высоким уровнем неопределенности, размытости социальных ожиданий, противоречивости законотворческого процесса. **Самостоя-**

¹ См.: *Moscovici S. Social influence and social change. L., N.Y., San-Franc.: Acad. Press, 1976.*

тельно интерпретируя социально-правовую ситуацию, актор соответственно ориентирует свои действия, что в совокупности формирует «живую» правовую культуру. Интерпретация служит рабочим механизмом правосознания и правовой культуры. Личность обретает правовую самореализацию, творя собственные смыслы, систематизируя их в интерпретации и конституируя своими действиями социальные поля. Неповторимость действительной личности, подчеркивает автор, во многом предопределяется тем, что она в своей интерпретации открывает нечто новое для всех, дополняя раскрытие сущности и других людей, расширяя своими поступками их наличные возможности и сама подвергаясь непрерывной **структуризации** со стороны социальной реальности. Личность структурирует социальное поле вокруг себя, превращая его в свое жизненное пространство, совершая поведенческие акты, в быту и юридической теории именуемые поступками. Анализируя механизм социально-правовой самореализации личности, можно, по мнению автора, выделить такие его составляющие, как правосознание и правовая установка личности, правомерное поведение, правовая активность и правовая самозащита. Правовая культура, если рассматривать ее в аспекте конституирования жизненного пространства личности через поступок, также выступает одним из звеньев этого механизма.

Таким образом, рассмотрев механизмы формирования на **личностном** уровне, то есть в рамках структуры личности, адекватной правовой самореализации последней, роль в этом процессе правовой культуры, преломляющейся на уровне юридического **поступка** в правовую активность, представляется возможным заключить, что правовая культура функционирует как **экстернализующийся** в поступке, находящий в нем свое внешнее выражение **конститутив** личностного жизненного пространства. Правовая культура и ее овнешненное выражение в поступке **структурируют** как окружающий личность фрагмент социального поля, так и саму личность. Следовательно, социальное поле и личность творятся одновременно, во взаимном влиянии. И если рассматривать гражданское общество как **конкретноисторический** тип социального контекста реализации личности, то такой контекст может структурироваться только вместе с соответствующим ему типом личности.

Параграф второй **«Формирование правовой личности как атрибут новой правовой культуры»** посвящен исследованию основных характеристик такого типа личности, который в отечественной научной литературе получил название «правовой личности». Как подчеркивает автор, полнота возможностей для личности реализовывать и **интериоризировать** в свое сознание права и свободы в контексте субъективного права обретает свое максимальное раскрытие в правовом государстве, функционирование которого строго подчинено праву и ориентировано на соблюдение и защиту прав человека. Современное правовое государство, в какой бы конкретной форме оно ни воплощалось, не мыслится без признания в качестве своих базовых принципов субъективных публичных прав - прав личной свободы. Концептуальное признание прав личности в контексте ее взаимоотношений с государством и ограничение право-

мочий государства по отношению к личности, по мнению автора, составляет основную характеристику выработанной западным обществом модели правовой государственности. Расширение и закрепление прав личности, совершенствование социальных и правовых механизмов их защиты и построение соответствующей этим целям организации общества стали целью подавляющего большинства современных социально-политических движений. Естественно, что правовая государственность предполагает адекватное состояние правовой культуры общества. Тем не менее процесс выработки и распространения адекватной правовой культуры определяется не только развитием правового характера государственности и сопряженными с этим социальными трансформациями. Важнейшей его составляющей остается трансформация индивидуальной правовой культуры, индивидуального правосознания. Как уже говорилось **выше**, не существует односторонней детерминации личностного социальным, как и детерминации обратного типа. Правовая культура личности и общества претерпевает синхронные изменения в едином процессе **структуризации**. По мнению автора, здесь можно говорить о формировании правовой личности как особого типа личности, что составляет оборотную сторону процесса структурирования правового социального пространства. Само понятие "правовой личности" ввел в **философско-правовой** дискурс в начале 20 века Б.А. Кистяковский. С его точки зрения референтом этого понятия является специфический тип человека, отличающийся тем, что он сформирован в условиях правового государства и стабильного правопорядка, сознает свои права во всей полноте и способен свободно их реализовывать в обществе. С другой стороны, правовое государство являет собой оптимальную социально-правовую и политическую среду для социализации личности подобного типа, поскольку оно само не может существовать, не вовлекая гражданина в активную правовую деятельность по защите и утверждению собственных прав и прав других субъектов социального взаимодействия. Следовательно, правовая личность как субъект правоотношений, присущих правовому государству, отличается высоким уровнем **правосознания**, включающим осознанность своих личных, социально-групповых и общенародных интересов; осознанность своих обязанностей перед другими людьми, социальными группами и обществом; активность в защите и использовании своих прав, а также в защите прав других людей.

По мнению автора, можно утверждать, что правовая личность представляет собой обладающую особыми типологическими и поведенческими характеристиками подструктуру социальной личности, адекватной гражданскому обществу и правовому государству. При этом от остальных типов личности правовая личность отличается степенью правомерности и активности поведения. Сознательное выполнение правовых **предписаний**, активная защита как своих прав, так и прав третьих лиц, активное участие в правотворческой деятельности органов **государства**, участие в правовоспитательной деятельности определяют содержание правовой личности. При этом присущие людям различные уровни лояльности правосознания позволяют наравне с правовой лич-

ностью выделить группу, соприкасающуюся с ней и обеспечивающую устойчивость правового государства как системы – это личности с лояльностью правосознания, находящейся на уровне пассивного либо конформного позитивизма.

Правовая культура личности как совокупность идей, ценностей, дорефлексивных **габитусных** установок на правомерное поведение на уровне социальной практики воплощается в правовой активности, что проявляется в сознательной организации своего жизненного пространства как пространства правовых по характеру социальных взаимодействий. Конституируя такое жизненное пространство, личность тем самым непрерывно структурирует самое себя как активный и сознательный субъект правоотношений, носитель специфического **правопонимания** и аксиологии. В то же время, подчеркивает автор, исследование правовой культуры в аспекте формирования личности представляет собой наиболее сложную часть поставленной задачи. Говоря о правовой личности, по сути дела, исследователь тем самым вводит идеально-типическую конструкцию, аналогичную конструкциям М.Вебера. Однако обращение к идеально-типическому конструированию имеет смысл только в аналитических целях. Обрисовав типологические черты правовой личности, автор считает **выполненной** поставленную перед собой аналитическую задачу. Но на уровне социальной конкретики, сталкиваясь с реальными сложностями формирования правового государства и адекватной ему правовой культуры в России и пытаясь найти им объяснение, невозможно удовлетвориться описанием идеального типа и соответствующего ему спектра социальных действий. Следовательно, заключает автор, необходимо обратиться к синтезу использованных выше подходов – постструктуралистского, институционального, феноменологического, социокультурного, чтобы зафиксировать основные характеристики глубокого кризиса правосознания, с которым мы имеем дело в современном российском обществе.

Глава четвертая «ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА» посвящена феноменологическому исследованию конкретных проявлений **правокультурных** деформаций, наблюдаемых в пореформенной России. По мнению **автора**, исходя из рассмотренных выше институциональных и личностных параметров правовой культуры, адекватной типу общества, которое может быть названо правовым, и **пытаясь** их сопоставить с наличным социальным бытием современной России, нетрудно прийти к выводу об **атипичности** сложившейся здесь и сейчас ситуации в сфере права. Небывалое по масштабам распространение **преступности**, причем в том числе таких ее форм, которые ранее были почти неведомы в нашей стране, изменения в ее структуре, свидетельствующие о захваченности криминогенными процессами самых разных возрастных, **гендерных**, профессиональных групп, демонстрирует, помимо значительного ослабления социального контроля и слабости правоохранительной системы, еще и серьезные изъяны в общественном мировоззрении и массовой

психологии. Современный среднестатистический россиянин гораздо легче перешагивает через требования **права**, чем это было возможно в прошлом. Обобщая данные, получаемые в результате многочисленных социологических **опросов**, приходится признать, что общая **правокультурная** атмосфера в России далека от нормы, что отечественная правовая культура претерпевает существенные деформации, во многом обусловленные сложностью переходного периода именно в социокультурном плане, возникновением аксиологического, когнитивного **вакуума**, плюрализмом **менталитетов**.

В параграфе первом «**Нигилистические тенденции в правовом поведении россиян**» анализируются основные содержательные параметры понятия правового нигилизма и рассматриваются особенности проявления нигилистических тенденций и настроений в современном российском обществе. Как показывает автор, нигилистические концепции и настроения в целом составляют элемент социокультурного кризиса и проявляются в критические, переломные моменты истории различных культурных общностей. Основные черты нигилизма как мировоззрения охарактеризованы крупнейшими европейскими мыслителями - Ф.Ницше, М. Хайдеггером, отметившими рост нигилистических тенденций в период кризиса западной христианской культуры. Правовой нигилизм, по мнению автора, можно рассматривать как одно из частных проявлений нигилистического мировоззрения. В этом качестве правовой нигилизм выступает как явление культуры, свидетельствующее о кризисном, пограничном состоянии последней. Рассматривая имеющиеся в отечественной научной литературе точки зрения на природу и сущность правового нигилизма, автор приходит к выводу о правомерности понимания последнего не просто как отрицательного отношения к праву как таковому, но, возможно, и как результата отторжения определенного типа правовой культуры, не соответствующего историческому социокультурному опыту **общества**, сформированным на его основе ожиданиям, не резонирующего со складом правового менталитета. Таким образом, проблема распространения правового нигилизма в современном российском обществе - это в значительной мере проблема корректности и объема осуществления культурных рецепций в сфере **правоотношений**. С другой стороны, по мнению **автора**, нельзя отрицать наличие генетического источника правового нигилизма в самой отечественной традиции **правопонимания**, в частности, в ощущении ограниченности формального права как социального **регулятора**, в морально-правовом синкретизме, включающем момент принижения права вплоть до отрицания. Одним из истоков правового нигилизма является также характерное для традиционного российского правового менталитета отчуждение населения от государства, сопряженное с пассивностью в отношениях с ним и неверием в возможность защиты прав личности. В настоящее время нигилистические тенденции в отношении к праву и государству усилились под влиянием роста социальной энтропии, обусловленной переходной фазой социального развития. Автор иллюстрирует это положение обращением к **социоструктурным** показателям. Правовой нигилизм по-разному проявляет се-

бя в различных группах населения, где его показатели зависят от таких личностных характеристик, как пол, возраст, национальная принадлежность, род деятельности или статус должностных лиц. Определенную, иногда важную роль играет отношение человека к религии и его конфессиональная принадлежность. **Социоструктурные** параметры роста преступности можно, как считает автор, рассматривать как косвенный показатель распространенности правового нигилизма среди различных групп населения - **гендерных**, возрастных, профессиональных, конфессиональных, статусных. В частности, об этом свидетельствует постоянно возрастающий показатель количества зарегистрированных преступлений. Распространение правового нигилизма в обществе проявляется также в росте числа преступлений среди групп с традиционно относительно низким уровнем преступности. Так, отмечается нарастание женской преступности. Это косвенно свидетельствует о том, что женщины, более "консервативная" и законопослушная часть общества, также сильнее, чем прежде, заражены правовым нигилизмом. При анализе числа преступлений по возрастным категориям обращает на себя внимание тот факт, что если в категории 14-17 лет преступность сохранилась примерно на прежнем уровне, или ее рост несущественен, то среди лиц в возрасте 30 лет и старше увеличение показателя преступности составило 60%, 25-29 лет - 43%.

Автор выделяет ряд специфических особенностей распространения правового нигилизма в современной России. Прежде всего это массовость: **затронутость** нигилистическим отношением к закону и государству не только рядовых акторов, но и государственных структур, исполнительной и законодательной власти, правоохранительных органов. Кроме того, по мнению **автора**, распространение правового нигилизма в современном российском обществе отличается **демонстративностью** и неконтролируемостью, во многих случаях характеризуется осознанной оппозиционной направленностью. Наконец, к особенностям отечественной разновидности правового нигилизма, по мнению автора, следует отнести многообразие форм его проявлений от идеологической до бытовой.

Параграф второй **«Ценностный вакуум и правовая культура»** посвящен исследованию влияния на развитие **правокультурного** кризиса в социальном пространстве современного российского общества трансформаций в системе ценностей. По мнению автора, в современной России имеет место ситуация глубокого снижения эффективности социализации. В системе воспроизводства и социальной трансляции традиционных ценностей возникли значительные нарушения, которые в том числе и в первую очередь затрагивают ценностный статус **права**, который и без того всегда, как было показано выше, в России был невысок. В обществах, попавших в такую ситуацию, возникает ценностный вакуум, образующийся в силу расшатывания традиционно устоявшейся системы ценностей. Доминантой нигилистической деформации правовой культуры, по мнению автора, является неуважение к праву и государству, сопряженное с криминализацией и самого государства, его властных ин-

статутов. Ослабление сдерживающей и регулирующей роли права приводит к росту значения силового фактора: в новом институциональном пространстве российского общества господствует право сильного. По мнению многих исследователей, в России нарастает **социорегулятивная** значимость теневых правил и норм, и не только в экономической сфере, хотя эпицентром этих процессов является теневая экономика, но и во всех областях социальной **жизни**¹. Причем, подчеркивает автор, речь идет не просто о количественном расширении объема неправовых социальных практик, но о качественной трансформации правовой культуры, которая заключается в интенсивном процессе социальной **габитуализации, институционализации** неправовых форм социального взаимодействия. **Интегрируясь** в формирующуюся систему общественных отношений, это явление превращается в социальную норму поведения акторов самых разных уровней и постепенно **интернализуется** ими. Возникшие противоречия и несоответствия в институциональной системе общества, становясь важным источником неправовых практик, постепенно втягивают неправовые практики в свою орбиту, делая элементом институциональной системы.

Состояние ценностного вакуума, продолжает автор, характеризуется прежде всего общим снижением в системе ценностей статуса морали, нравственности, размытостью ориентиров в понимании добра и зла. Упадок социального авторитета традиционных ценностей сопряжен с общим разочарованием, личностной **резигнацией, профанизацией** идеи личной ответственности и личного выбора. Показательно в этом смысле, что подавляющее большинство населения утратило интерес к морально-этической проблематике, нравственным поискам. Согласно данным ВЦИОМ интерес к нравственным проблемам фиксируется только у 10-14 % жителей страны. Таким образом, тенденция общего снижения значимости различных моральных норм действительно существует. По мнению автора, ценностный вакуум является одним из проявлений социальной и психологической аномии, состояния **ослабленности** основных социальных регуляторов, **ситуативности** и нестабильности господствующих «правил игры». Действительно, целесообразность применения теории аномии к современному российскому обществу в настоящее время очевидна многим исследователям. Психологическая аномия, как подчеркивает автор, представляет собой состояние дезорганизации личности, вытекающее из распада привычной ценностной ориентации. Это происходит под воздействием социальной ситуации либо конфликта норм, либо их практического обесценивания. Состояние аномии, сопряженное с отсутствием необходимого баланса этических и социокультурных ценностей и ориентации социального поведения, в целом типично для переходного периода в жизни общества. Применение концепции аномии к современной российской действительности представляется автору оправданным, поскольку стало очевидным наличие здесь глубоких структурных **транс-**

¹ Рыбкина Р.В. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. 1999. Зима. С.25-39; Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневое общество. М., 2000.

формаций в ценностной сфере. Правовая культура современного российского общества демонстрирует наличие деформаций, связанных, в первую очередь, с утратой основных аксиологических различий, что свидетельствует об углублении общего социокультурного кризиса. **Деформированность** базовых траекторий социального пространства проявляется в криминализации индивидуального и массового сознания и поведения; росте преступности и изменении ее структуры в сторону криминализации всех без исключения возрастных, **гендерных** и профессиональных групп; падении общественного интереса к моральной проблематике, ранее составлявшего традиционную особенность отечественного менталитета; росте аморализма и безнравственности; распространении на все общество ценностей и норм криминальной субкультуры; развитии правового нигилизма на всех социальных уровнях. Характерная для состояния психологической аномии утрата жизненных ориентиров, потеря воли к жизни проявляются в широком распространении деструктивных по отношению к обществу и самому себе **девиантных** по определению способов поведения: суицидов, алкоголизма, наркомании. Может идти речь о патологическом характере формирующихся структур жизненного пространства. Описание этого пространства можно дополнить упоминанием о росте тревожных ожиданий, социальной неуверенности, ощущений фрустрации, заброшенности, апатии. Правовая культура в этом случае несет на себе печать утраты различения между саморазрушением и самоутверждением, признания социальной приемлемости и даже естественности девиации, что позволяет утверждать, что в целом правовая культура современного российского общества носит характер девиации. В целом можно сказать, что культура современной России приобрела выраженный мозаичный характер. Ее отличает когнитивный вакуум, примитивный утилитаризм, отсутствие у масс населения адекватного понимания сложившейся в обществе ситуации. В этом смысле правовая культура отражает общий мозаичный характер культуры, включает в себя локальные фрагменты деформированного правосознания, неправовых ориентации и мотиваций. Важной ее характеристикой является обесценивание правомерного поведения как универсальной модели, нарастание социальной **резигнации** по отношению к распространенному противоправному поведению.

Все это в совокупности можно охарактеризовать как тотальный кризис правосознания и правовой культуры.

В главе пятой «ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ» автор обращается к исследованию возможностей преодоления **правокультурного** кризиса в современной России в контексте формирования социального пространства гражданского общества. Подводя итоги всему сказанному выше, мы с полным основанием можем охарактеризовать наличное состояние правовой культуры российского общества как критическое. И, безусловно, этот кризис, выразившийся в резком снижении реальной **социорегулятивной** функции и роли **права**, составляет один из наиболее значительных и устрашающих симптомов общего социокультурного кризиса, захлестнувшего

Россию. Естественно, что социокультурные сдвиги такого масштаба трудно оценивать на предмет возможности их преодоления, и столь же трудно, как нам представляется, прогнозировать дальнейший ход трансформаций общественного менталитета и культуры, которые еще предстоит пройти российскому обществу. Тем не менее в заключение настоящего исследования нам представляется необходимым обратиться к рассмотрению возможных перспектив формирования в России адекватной современным требованиям правовой культуры, а также условий, при которых указанные перспективы могут быть реализованы. Мы постараемся, кроме того, затронуть в своем анализе значимые для России **историко-правовые** и этнопсихологические ограничения, накладывающие отпечаток на процесс становления правовой культуры гражданского общества,

В параграфе первом **«Правовая культура и формирование институтов гражданского общества в современной России»** автор рассматривает перспективы формирования правовой культуры в контексте становления институтов гражданского общества. Констатируя сложность и незавершенность формирования в отечественной социальной науке концепции гражданского общества, он считает плодотворной идею З.Т. **Голенковой** о наличии в этом понятии нормативного **измерения**¹. Автору представляется, что нормативное измерение понятия "гражданское общество" именно в силу того, что оно обладает прямым выходом в сферу мотиваций социального действия, имеет особую значимость для исследований в области социального поведения, в частности, поведения в области права. В частности, необходимо исследовать связь гражданского общества с определенным типом правовой культуры, с **личностно-мотивационной** составляющей правового поведения. Поскольку гражданское общество на той или иной стадии своего развития существует в качестве вписанной структуры в любом обществе, где действует частное право и охраняется правовая автономность личности, его можно, по-видимому, определить как особое социальное пространство, конституируемое взаимодействиями независимых друг от друга и от государства индивидов. Так, согласно мнению **Л.С.Мамута**, «гражданское общество есть действительно сообщество частных (неполитических) лиц, носителей частных целей и **интересов**»². Следовательно, субъектом отношений гражданского общества, его основой и смысловым центром является индивид во всей полноте своих прав как носитель определенной социально-правовой инициативы. Атрибутами такого индивида, по мнению автора, должны быть социальная и правовая активность, наличие осознанной позиции по отношению к обществу и праву, развитое правосознание и соответствующая ему личная правовая культура. Формирование гражданского общества

¹**Голенкова З.Т.** Альтернативы и перспективы развития гражданского общества в России // Гражданское общество: теория, история, современность // Отв. ред. З.Т. **Голенкова**. М., 1999. С. 8.

²**Мамут Л.С.** Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. 2002, № 5. С. 94.

находится в прямой зависимости от развития в обществе идеи индивидуальной свободы, идеи человеческой личности вне зависимости от ее расы, национальности, **пола**, возраста, вероисповедания как высшей социальной ценности. Возвращаясь к нормативной составляющей понятия "гражданского общества", нельзя не усмотреть здесь связи с проблемой правовой самореализации личности. Нормативное содержание идеи гражданского общества как типа социальной системы, становление и само существование которой напрямую зависят от правовой самореализации индивидов, от их правосознания, правовой культуры и отражающего их качества поступков, по мнению автора, направлено на формирование адекватной идеалу гражданского общества личностной ориентации, которая бы воплощалась в конкретных мотивациях и установках.

В настоящее время формирование гражданского общества в России рассматривается как официальная цель проводимых в стране реформ. Однако ввиду отсутствия на уровне **дорефлексивных** структур национального менталитета устойчивых представлений о ценности индивидуальной самореализации, свободы личности, неотчуждаемости ее прав и собственности процесс ускоренного создания гражданского общества и новой правовой системы в России столкнулся с непредвиденными трудностями. В настоящее время иллюзии первых лет реформ постепенно уступают место почвенническим и более прагматичным представлениям о социально-трансформирующей роли законов. Выявилась весьма ограниченная эффективность прямых рецепций западных моделей правовой системы, что в немалой степени обусловлено своеобразием российского социально-экономического и социокультурного контекста. Автору представляется, что подобные механические заимствования бесплодны прежде всего потому, что базируются на порочном в методологическом отношении отрыве социального от личностного. В этом смысле продуктивна идея о синхронном и едином процессе структурирования личности и социального пространства. Высокие нравственные **качества**, развитая правовая культура и гражданская активность личности неотрывно связаны, таким образом, со зрелостью общественных отношений, соответствующей формой которой является институциональная структура правового государства. Как показывает автор, гражданскому обществу, ставящему своей целью обеспечение прав человека, необходимо, чтобы движение к этой цели шло вместе с укреплением и развитием правового **государства**, которое создает само это общество. Правовое демократическое государство, призванное соблюдать и защищать права и свободы человека, способно утвердиться лишь в обществе, основанном на солидарности, нравственных началах, высокой правовой культуре, гражданской активности и самоуправлении. В то же время очевидно, что современное российское социальное пространство представляет собой область деформированной правовой культуры и господства неформальных связей и регуляторов. Французский политолог Д.Кола пишет, что «одной из главных трудностей воссоздания

российского общества является отсутствие правовой культуры, которая рассматривает договор как основу **регулирования**»¹.

По мнению автора, исходя из исторически сформировавшихся **этнонациональных** и социокультурных особенностей российского правового менталитета можно утверждать, что гражданское общество в России может сложиться только **тогда**, когда будут на практике реализованы основные параметры соответствующего ему типа правовой культуры и массового правосознания. Преодоление девиаций в сфере **правопонимания**, компенсация искажений, возникших в результате исторических ошибок, опора на лучшее в отечественных правовых традициях и радикальный отказ от худшего в них являются необходимым условием нормализации правовых и в целом социальных отношений в России, ее выхода из затянувшегося **кризиса**.

Одним из наиболее важных аспектов формирования правовой культуры, адекватной гражданскому обществу, по мнению автора, является ее связь с развитием социального самоуправления. Ведь развитое **самоуправление**, с одной стороны, представляет собой реальный мощный противовес тоталитаристским притязаниям **государства**, гарантию эффективной защиты прав каждой отдельной личности. С другой стороны необходимым условием становления самоуправления является высокий уровень самосознания и правосознания отдельных личностей, из чего вытекает, помимо прочего, развитость **правопонимания** и правовой культуры в масштабах всего общества.

В параграфе втором «Правовая культура в перспективе **развития** социального самоуправления» рассматриваются взаимосвязи, существующие между уровнем правовой культуры общества и степенью развитости в нем начал самоуправления. Понятие гражданского общества с необходимостью включает в себя принцип невмешательства государства в частную жизнь граждан. Следовательно, речь идет о типе **общества**, в котором возрастает удельный вес гражданского самоуправления. Как пишет Л.С. **Мамут**², специфика объединений, совокупность которых составляет субстрат негосударственного модуса бытия **общества**, не исчерпывается только их качеством носителей частных, партикулярных интересов. Сущностной характеристикой таких объединений является добровольность и организация на основе принципа самоуправления. Именно в силу этих характеристик такие **внегосударственные** объединения частных лиц представляют собой среду, располагающую к правовой алгоритмизации и нуждающуюся в правовой регуляции для своего нормального функционирования и поддержания существования. Для того чтобы соответствовать встающим задачам, подчеркивает автор, тип правовой культуры должен быть адекватен типу социальной организации, которая подразумевается под понятием «гражданское общество». Имеется в виду прежде всего необходимость развития социального самоуправления, что предъявляет определенные

¹ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 314.

² Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. 2002, № 5. С. 96.

требования к уровню индивидуального и общественного правосознания и правовой культуры.

Понятие гражданского общества включает в себя высокий уровень политико-правовой и экономической свободы личности по отношению к государству. Именно в свободном пространстве социальных взаимодействий, по мнению автора, и может существовать гражданское общество как система экономических, политических и правовых отношений. Тем самым гражданское общество предполагает наличие широкой сферы местного самоуправления и ограничение компетенции государственной власти. Во-первых, местное самоуправление необходимо как способ оптимизации государственного управления. Во-вторых, местное самоуправление необходимо как одна из форм осуществления политических прав и свобод гражданина. Автор подчеркивает, что гражданское общество в своем объеме далеко не всегда совпадает со всем обществом как целостностью. Его доля в обществе зависит от количества активных в правовом и социальном отношении граждан, обладающих адекватной правовой культурой. В пространстве современного российского общества гражданского общество как структура в настоящее время составляет малую долю, но она может варьироваться в своих границах и имеет тенденцию к расширению по мере того как будет нарастать уровень правовой культуры граждан. По мнению автора, уровень социального самоуправления в современном российском обществе пока остается недостаточным и не позволяет говорить о том, что здесь во всей полноте сформировалось гражданское общество. Пронизанность социального пространства неправовыми практиками и утрата массами ценностных ориентиров в сфере правового поведения свидетельствуют о том, что сложившаяся модель отношений в обществе препятствует развитию самоуправления. В настоящее время по многим показателям состояние наличной правовой культуры россиян далеко отстоит от параметров, характерных для гражданского общества. Автором приводятся для иллюстрации этого положения данные проведенных социологических опросов, в ходе которых респонденты демонстрируют готовность к введению ограничений прав личности во имя укрепления порядка в обществе. В целом, анализируя состояние нормативно-ценностной ориентации населения, автор подчеркивает, что в ней имеются значительные внутренние противоречия вплоть до социокультурного раскола. Такое глубоко укорененное в **архетипических** структурах национального правового менталитета противодействие внедрению правовой культуры демократического общества, основанной на таких ценностях, как личность (индивидуальность), собственность (материальное благополучие), социальная соревновательность (конкуренция), законность (строгая правовая регламентация и ответственность в поведении и взаимодействии социальных субъектов) говорит о сложности и двойственных перспективах такой тотальной культурно-правовой рецепции. В то же время иного пути выведения российского общества из **правокультурного кризиса**, в котором оно находится, по мнению автора, не существует. Отсюда следует, что насущной задачей социального

строительства является повышение правовой культуры гражданского участия в процессах социального самоуправления. В то же время, как утверждают исследователи, "итоги преобразования системы **властеотношений** на действительно демократической, политически открытой и юридически мотивированной основе оставляют впечатление структурной незавершенности и функциональной **неопределенности**".¹ По-прежнему сильны тенденции административно-бюрократического управления, чиновничьего произвола и злоупотреблений, что приводит к актуализации традиционного для России недоверия населения к **власти**, отчуждения властных органов от общества. В этих условиях гражданский контроль за действиями структур исполнительной власти не может осуществляться в объеме, соответствующем требованиям зрелого гражданского общества. Кроме того, отмечается распространенность имитации демократического принятия значимых решений, а необходимые политико-правовые процедуры принимают явный характер квазидемократических. Отсутствие обратной связи с массами, социальная и гражданская пассивность последних дополняют безрадостную в целом картину. По мнению автора, генезис правовой культуры, соответствующей гражданскому обществу, возможен только как синхронный процесс формирования адекватных личностных ценностных установок и структурирования правового **пространства** социального взаимодействия, что невозможно без расширения сферы социального самоуправления и повышения его качественного уровня.

В «Заключении» подводятся основные итоги исследования, формулируются выводы, намечаются перспективы дальнейшей разработки поднятых в диссертации проблем.

¹ Веденеев ЮЛ. Политическая **демократия** и **электорально-правовая** культура граждан // Государство и право. 1997. №2. С.33.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

/ . Монографии

1. Смоленский М.Б., Акопов Л.В. Антропология права. Ростов н/Д: Экспертное бюро, 1999. (7 п.л.)
2. Смоленский М.Б. Правовая личность (теоретико-правовой аспект самореализации ее полномочий в системе конституционного права. Ростов н/Д: Рост.гос.экон.академия, 2000. (10,5 п.л.)
3. Смоленский М.Б. Конституционное право России - теория и практика, его роль в формировании основ гражданского общества и правовой личности в России. Ростов н/Д: Эверест, 2001. (22 п.л.)
4. Смоленский М.Б. Гражданское общество в контексте формирования правовой культуры в России. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2001. (8,5 п.л.)
5. Смоленский М.Б., Дунаева Н.Н. Правовая культура и личность в контексте российской государственности. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. экон. ун-та, 2002 (6 п.л.)
6. Смоленский М.Б. Антропология права и ее роль как науки в процессе формирования правовой личности в условиях построения основ гражданского общества в России. Ростов н/Д: Изд-во «МарТ», 2002. (11,5 п.л.)
7. Смоленский М.Б. Правовая культура: опыт социокультурного анализа. Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказ. науч. центр. высш. школы. 2002 (12, 74 п.л.)
8. Смоленский М.Б. Гражданское общество в условиях Российского конституционализма: аспекты правовой культуры. Ростов н/Д. Изд. Изд-во «МарТ». 2003. (21,7 п.л.)

// . Статьи, тезисы докладов и выступлений

1. Смоленский М.Б. Судебная защита прав человека //Юридический вестн. РГЭА. Ростов н/Д, 1997. №2. С.30-52. (1,2 п.л.)
2. Смоленский М.Б. Система основных прав, свобод и обязанностей граждан по конституции РФ 1993. //Юрид. вестн. РГЭА. Ростов н/Д, 1998. №1. С.21-34. (0,8 п.л.)
3. Смоленский М.Б. Антропология права как наука об общих закономерностях взаимоотношений права и личности //Юрид. вестн. изд-ва. Северо-Кавказ. академии гос. службы. Ростов н/Д, 1998. №2. С.54-64. (0,6 п.л.)
4. Баранов П.П., Смоленский М.Б. Антропология права как наука. Сборник материалов международной конф. «Тенденции и развитие правовых систем

- стран СНГ, апрель 1998. Ростов **н/Д**: Изд-во Рост. юрид. института МВД РФ, 1998. С.5-11 (0,3 п.л.)
5. Смоленский М.Б. Правовая самозащита личности //Юридический вестн. РГЭА. Ростов **н/Д**, 1998. №4. С. 18-29. (0,68 п.л.)
 6. Смоленский М.Б. Индивидуальная жалоба в конституционном судопроизводстве как инструмент защиты прав граждан //Юридический вестн. РГЭА. Ростов **н/Д**, 1999. №2. С.16-31. (0,9 п.л.)
 7. Смоленский М.Б. Социально-экономические права личности по Конституции РФ //Юридический вестн. РГЭА. Ростов **н/Д**, 2000. №2 (14) С.7-22. (0,9 п.л.)
 8. Смоленский М.Б. Местное самоуправление - институт гражданского общества //Юридический вестн. РГЭА. Ростов **н/Д**, 2001. №3 (19) С.57-65) (0,5 п.л.)
 9. Смоленский М.Б. Гражданское общество и правовое государство в России //Юридический вестн. Академии РГЭУ. Ростов **н/Д**, 2001. №1 (13) С.183-197. (0,85 п.л.)
 10. Смоленский М.Б. Правовое государство в России и развитие гражданского общества / Актуальные вопросы Российского права. Ученые записки юридического ф-та РГЭУ-РИНХ. Вып. 1. Ростов **н/Д**: Изд-во Рост. гос. экон. ун-та. 2001. С.67-91. (1,5 п.л.)
 11. Смоленский М.Б. Конституционные основы местного самоуправления в России и перспективы его трансформации в институт гражданского общества / Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного российского общества и государства. Октябрь 2001 г. Ростов **н/Д**: Изд-во Северо-Кавказ. академии гос. службы, 2001. С.72-79. (0,45 п.л.)
 12. Смоленский М.Б. Местное самоуправление и гражданское общество - формула взаимообусловленности. / Материалы региональной **научно-практич.** конференции «Государственное управление и местное самоуправление: проблемы взаимодействия и реформирования». Декабрь 2001 г. Ростов **н/Д**: Изд-во МарТ, 2002. С. 48-56. (0,5 п.л.)
 13. Смоленский М.Б. Развитие федерализма в России как фактор становления гражданского общества. /Материалы международной **научно-практ.** конфер. «Взаимодействие уровней власти в условиях федерализации (опыт России и Германии) Апрель 2002 г. Ростов **н/Д**: Изд-во Северо-Кавказ. академии гос. службы, 2002. С.133-139. (0,45 п.л.)
 14. Смоленский М.Б. Конституционные основы формирования гражданского общества в России и мировое сообщество /Правовые и экономические проблемы региона. Сборник научных статей РГЭУ. Ростов **н/Д**: Изд-во Рост. гос. экон. ун-та. 2002. С.186-196. (0,7 п.л.)

15. Смоленский М.Б. Роль Конституции РФ в построении правового государства и формировании гражданского общества // **Юридический вестн. Академии РГЭУ**. Ростов н/Д, 2002. №1 (21) С.5-13. (0,5 п.л.)
16. Прусаков Ю.М., Смоленский М.Б. Конституционные основы формирования гражданского общества в России и роль личности в этом процессе. Ученые записки РГПУ. Вып. IV. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2002. С. 10-19. (0,25 п.л.)
17. Смоленский М.Б. Правовая культура в системе социальных институтов как фактор витальности гражданского общества/ Материалы международной конференции «Перспективы гражданского общества в современной России и особенности его развития в условиях Северо-Кавказского региона». Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказ. академии гос. службы, 2002. С.48-56. (0,5 п.л.)
18. Смоленский М.Б. Правовая культура и формирование гражданского общества в современной России// **Юридический вестн. Академии РГЭУ**. Ростов н/Д, 2002. №3. С.9-17. (0,45 п.л.)
19. Прусаков Ю.М., Смоленский М.Б. Правовая культура и гражданское общество в России - трудный путь реформ / **Государственное и муниципальное управление**. Ученые записки СКАГС. Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказ. академии гос. службы, 2002. №3-4. С.82-95. (0,4 п.л.)
20. Смоленский М.Б. Правовой менталитет – фактор формирования правовой культуры как основы гражданского общества/ Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Приложение №1. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ, 2002. С.69-78. (0,6 п.л.)
21. Смоленский М.Б. Правовая культура личности и гражданское общество в России / **Научно-практический журнал «Вестн. Академии»**. Ростов н/Д. Изд. Рост.гос.экон.универ. №2. С. 75-83. 2002. (0,5 п.л.)
22. Смоленский М.Б. К проблеме интерпретации понятия «менталитет». / **Научная мысль Кавказа**. Прил. №1. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ, 2003. С.66-75. (0,6 п.л.)
23. Смоленский М.Б. Методологические аспекты изучения правовой культуры. / Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ, 2003. №1. С.71-78. (0,5 п.л.)
24. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность, гражданское общество в России - форма взаимообусловленности / **Научно-практический журнал «Известия вузов»**. Правоведение. Санкт-Петербург. №1. С. 22-35. 2003. (0,8 п.л.)
25. Смоленский М.Б. Право и правовая культура в системе социальной регуляции / **Научно-практический журнал «Юридический вестн. РГЭУ»**. №1. С. 79-88. Изд. Рост.гос.экон.универ. 2003. (0,55 п.л.)

26. Смоленский М.Б. **Аксиологическая антиномия** Российской традиции: мораль или право (**социокультурный** аспект) / **Ученые записки. №1. Юридического факультета РГЭУ «Правовая культура и ее роль в становлении правового государства».** Ростов н/Д. С. 8-18. Изд. Рост. гос. экон. **универ.**, 2003. (0,65 п.л.)
27. Смоленский М.Б. Правовая установка личности и проблема формирования гражданского общества / **Научно-практический журнал «Научная мысль Кавказа».** Приложение. № 3. С. 12-24. Изд. Северо-Кавказский центр высшей школы, 2003. (0,75 п.л.)
28. Смоленский М.Б. Правовая культура, правосознание и правовое поведение в системе социальной регуляции гражданского общества / **Ученые записки. №2. Юридического факультета РГЭУ.** С. 52-69. Ростов н/Д. Изд. **Рост.гос.экон.универ.** 2003. (1,1 п.л.)
29. Смоленский М.Б. Экономические и социокультурные основания развития гражданского общества, правовой культуры и личности в России как акторов формирования правосознания налогоплательщика / **Сборник материалов «Проблемы и тенденции развития налоговой системы в РФ».** Ростов н/Д. Изд. **Рост.гос.экон.универ.** С. 21-29. 2003. (0,5 п.л.)
30. Смоленский М.Б. Правовая установка личности. / **Материалы конференции научно-педагогич. состава РГЭА //Юридический вестн. РГЭА.** Ростов н/Д, 1999. №1. С.75-78. (0,2 п.л.)
31. Смоленский М.Б. Правовое пространство Российской Федерации (философский взгляд) / **Материалы конференции научно-педагогич. состава РГЭА //Юридический вестн. РГЭА.** Ростов н/Д, 2000. №1 (13) С.78-81. (0,2 п.л.)
32. Смоленский М.Б. Конституционная формула взаимоотношений «современного государства» и «гражданского общества» в России / **Материалы международной конференции "Вертикаль власти: проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней властей в современной России.** Июль 2001. г. Ростов н/Д. Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказ. академии гос. службы, 2001. С. 19-22. (0,2 п.л.)
33. Смоленский М.Б. Политическая элита региона и ее роль в развитии российского федерализма как фактора построения правового государства и гражданского общества в России / **Материалы международной конференции «Региональные элиты в процессе современной российской федерализации.** Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказ. академии гос. службы, 2001. С.181-184. (0,2 п.л.)

///. Учебники

1. Смоленский М.Б., Коллошкина Л.Ю. Конституционное право Российской Федерации. Ростов н/Д: Феникс, 2001. гл. 1,2,4,7,9-11. (10 п.л.)
2. Смоленский М.Б. Конституционное право Российской Федерации. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2001. (20 п.л.)

3. Смоленский М.Б., Мархгеим М.В., Яценко И.С. Конституционное право Российской Федерации. Москва: изд-во Соврем. гуман. ун-та, 2001. гл. 1,2,4,7,8,9,10,12. (12 п.л.)
4. Смоленский М.Б. Конституционное (государственное) право России. Ростов н/Д: Феникс, 2002. (22 п.л.)
5. Смоленский М.Б. Адвокатская деятельность и адвокатура в Российской Федерации. Ростов н/Д: Феникс, 2002. (26 п.л.)
6. Смоленский М.Б., Любашиц В.Л., Шепелев В.И. Теория государства и права. Гл.12. Ростов н/Д: Феникс, 2002. (2,5 п.л.)
7. Смоленский М.Б., Григоренко С.А., Мархгеим М.В. и др. Правоведение. Введение, гл 2. Ростов н/Д: Издательский центр МарТ, 2002. (3,8 п.л.)
8. Смоленский М.Б. Права личности в системе современного **правопонимания**. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. экон. академии, 1998. (6,5 п.л.)
9. Смоленский М.Б. Конституционное право России. Курс лекций. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. экон. академии, 1999. (15,8 п.л.)
10. Смоленский М.Б., Воробьев В.А., Григорян С.А. и др. Основы российского права. Т.1. гл.8. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. экон. академии, 1999. (2,1 п.л.)
- И. Смоленский М.Б. Конституционное право Российской Федерации: история и современное состояние. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. экон. академии, 2000. (14,5 п.л.)
12. Смоленский М.Б. Конституционное право России. 100 экзаменационных ответов. Ростов н/Д: Издательский центр МарТ, 2001. (15,5 п.л.)
13. Смоленский М.Б., Антоненко Т.А., Власов В.И. и др. Теория государства и права. 100 экзаменационных ответов. Гл.11, 12. Ростов н/Д: Издательский центр МарТ, 2002. (3,5 п.л.)
14. Смоленский М.Б., Фесенко Л.А. Правоохранительные органы Российской Федерации. Гл.3,18. Ростов н/Д: Издательский центр МарТ, 2002. (3,5 п.л.)
15. Смоленский М.Б. Конституционное право России. 100 экзаменационных ответов. Изд. 2-е испр. и доп. Ростов н/Д: Издательский центр МарТ, 2002. (15,5 п.л.)
16. Смоленский М.Б. Экзаменационные ответы по конституционному праву России. Ростов н/Д: Феникс, 2002. (16 п.л.)
17. Смоленский М.Б. Основы права. Ростов н/Д: Феникс, 2002. (20,5 п.л.)
18. Смоленский М.Б., Колышкина Л.Ю., Лавриненко Н.И. Экзаменационные ответы по теории государства и права. Гл.11,12. Ростов н/Д: Феникс, 2002. (2,4 п.л.)
19. Смоленский М.Б., Антоненко Т.А., Власов В.И. и др. Теория государства и права. 100 экзаменационных ответов. Гл.11, 12. Изд. 2-е испр. и доп. Ростов н/Д: Издательский центр МарТ, 2003. (2,5 п.л.)
20. Смоленский М.Б. Конституционное право России. 100 экзаменационных ответов. Изд. 3-е испр. и доп. Ростов н/Д: Издательский центр МарТ, 2003. (18 п.л.)

21. Смоленский М.Б., Колюшкина Л.Ю., Ожиганов И.И. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Вопросы 14-32. Ростов н/Д: Издательский центр МарТ, 2003. (4,5 пл.)
22. Смоленский М.Б., Акопов Л.В., Мархгеим М.В., Прусаков Ю.М. Конституция Российской Федерации. **Научно-практический** комментарий. Гл.1,2 (ст. 17-35), 3,7. Ростов н/Д: Издательский центр Март, 2001. (7,5 пл.)
23. Смоленский М.Б., Мархгеим М.В., Яценко И.С. Конституция Российской Федерации. Научно-практический словарь. Москва: изд-во **Соврем. гуман. ун-та**, 2001. (8 пл.)
24. Смоленский М.Б., Акопов Л.В., Прусаков Ю.М., Яценко И.С., Мархгеим М.В. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий. Гл.1,2 (ст. 17-35), 3,4,7. Москва: изд-во **Соврем. гуман. ун-та**, 2001. (7,5 пл.)
25. Смоленский М.Б., Мархгеим М.В., Яценко И.С. Конституционное право Российской Федерации. Гл. 4, 5, 10, 11, 12. Санкт-Петербург. Изд. Юридический центр Пресс. 2003. (12,0 пл.)